

Михаил КАНЮКА

МУЖЕСТВО

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

Михаил КАНЮКА

МУЖЕСТВО

(О Герое Советского Союза В. А. Молодцове)

Москва · Издательство политической литературы · 1979

Канюка М. С.

К19 Мужество: (О Герое Советского Союза В. А. Молодцове).— М.: Политиздат, 1979.— 79 с., ил.— (Герои Советской Родины).

Эта книга об известном советском разведчике Герое Советского Союза Владимире Александровиче Молодцове. В годы Великой Отечественной войны он возглавлял диверсионно-разведывательный отряд, действовавший в тылу врага в оккупированной Одессе. Отряд добывал важные разведывательные данные, наводил советскую авиацию на военные объекты противника, совершал диверсии на шоссейных и автомобильных дорогах, уничтожал боевую силу врага.

Рассказывая о некоторых эпизодах деятельности отряда, автор рисует образ главного героя книги — волевого, целеустремленного, мужественного коммуниста.

Автор книги — украинский писатель М. С. Канюка.

К 10604—282
079(02)—79 БЗ—39—6—79 0505030202

63.3(2)722.5
9(С)277

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

Задание

Солнце еще только взошло, а в помещении от ночной прохлады не осталось и следа. Молодцов вытер рукой вспотевший лоб и крепко зажмурил уставшие от долгого чтения глаза. Но через несколько минут Владимир Александрович встряхнулся и снова принялся за документы: времени до отлета в Одессу оставалось в обрез.

Дверь тихонько приоткрылась, и в комнату вошел молодой, смертельно усталый человек.

— Уже поднялся? — удивленно спросил он, взглянув красными от бессонницы глазами на диван, застланный тонким одеялом.

— А я и не ложился, товарищ комиссар, — ответил Молодцов.

— И напрасно. Перед полетом надо было бы хорошенько отдохнуть... Ну, да теперь поздно об этом. Собирайся, машина уже у подъезда. С семьей попрощался?

— Вчера... — Владимир Александрович собрал бумаги, положил их в сейф. — Кажется, все. — Капитан Молодцов подошел к комиссару, отныне непосредственному руководителю операции, с которым и в дальнейшем будет держать связь по радио и которого будет называть в своих донесениях Григорием: — Давайте прощаться...

— Нет, прощаться нам с тобой рановато, — улыбнулся комиссар и с силой сжал руку Молодцова... — Иди, товарищ Бадаев. До скорой встречи в эфире.

Итак, с сегодняшнего дня он не Владимир Молодцов, а Павел Бадаев, командир диверсионного отряда. Правда,

из всего состава отряда в наличии только он да радист Иван Неизвестный. Остальных ему помогут подобрать на месте.

Бадаев отправился в Одессу 19 июля 1941 года. К этому времени на фронте сложилась очень тревожная обстановка. Гитлеровские войска, используя внезапность удара и превосходство в танках и авиации, быстро продвигались в глубину Советской страны. Прошло немногим более трех недель, а враг уже захватил Латвию, Литву, значительную часть Белоруссии, Украины и Молдавии. Упорные бои шли на юге страны. Здесь в трудном положении оказались 6-я и 12-я советские армии, в тыл которых через Шполу к Первомайску прорвались механизированные корпуса 1-й немецкой танковой группы; одновременно по советским войскам нанесла удар 17-я армия противника. Основная часть двух советских армий оказалась в окружении, остальные отступали на юг. В это время вражеские войска прорвали оборону нашей 9-й армии, которая также начала отходить на юг.

Непосредственная угроза нависла над Одессой. Партийные органы готовились к партизанской и подпольной борьбе в городе и его окрестностях. Одним из звеньев этой подготовки была организация отряда под командованием чекиста-разведчика Владимира Александровича Молодцова.

...В машине Бадаева ожидал неулыбчивый радист Иван Неизвестный. На приветствие командира он только кивнул головой, глубже втиснулся в сиденье и зябко повел плечами, словно от холода. Судя по его виду, и ему не пришлось отдыхать в эту ночь.

Возбуждение, владевшее ими, не оставило их и в самолете. Как ни пытались, не смогли подремать. Летели молча. Каждый думал о своем.

Всю свою жизнь Бадаев всегда стремился туда, где было тяжелее, где всего нужнее были его чистое сердце

и крепкие молодые руки. Так было и тогда, когда по призыву комсомола он отправился работать на шахты.

Из дневника Владимира Молодцова ¹:

«17 октября 1930 г. Уже второй день — в Бобрик-Донском, на руднике. Интересно попал сюда. Собрались мы — я, Мишка Нечаев и другие — на Магнитострой. Дело двигалось, приготовления заканчивались.

Но тут непредвиденно возросла перед нами большая, непреодолимая трудность — мне не давали расчета. Потом увидел призыв «Комсомольской правды» в шахты и бичевание комитетов: плохо вербуют. Решил моментально: ехать во что бы то ни стало в угольную шахту на ликвидацию прорыва».

Вот и теперь, когда Родина в опасности, он снова спешит туда, где так необходимы его организаторские способности, проявленные на комсомольской и партийной работе, его беззаветная преданность Родине и высочайшее чувство ответственности за порученное дело...

Из задумчивости Бадаева вывел Иван.

— Подлетаем,— тронул он рукой плечо командира.

В Одессе их ждали. Самолет еще выруливал на стоянку, а к нему уже спешили через поле двое военных и один в штатском.

— Я помощник секретаря Одесского обкома партии,— отрекомендовался Бадаеву человек в штатском.— Здравствуйте, товарищи. Прошу в машину, вас ждут в обкоме.

Чем ближе к городу, тем заметнее были следы разрушений от постоянных, ставших уже регулярными, налетов вражеской авиации и обстрелов дальнобойной артиллерии. Вот несколько печных труб от сожженного бомбой маленького хуторка, а вот и остов большого каменного

---

¹ В книге приводятся отрывки из дневника девятнадцатилетнего шахтера Владимира Молодцова. Дневник был начат 1 октября 1930 года. Последняя запись в нем датирована 11 мая 1931 года. Дневник опубликован в газете «Комсомольская правда» 18 сентября 1960 года.— М. К.

дома. А через улицу, в которую незаметно перешло шоссе, на окраине города, еще горит какое-то строение (теперь уже не разберешь, что это было: жилой дом или административное здание). Бадаев обернулся назад, пытаясь рассмотреть картину, мелькнувшую перед глазами. Из-под камней рухнувшей стены вытаскивали ребенка — девочку. Ее красное платье резко бросилось в глаза. Ему вдруг до боли в сердце захотелось, чтобы эта девочка была живой. Но по тому, как бессильно была откинута ее головка, он понял, что девочка, скорее всего, мертва. Бадаев отвернулся и с такой силой сжал руки, что побелели пальцы.

Капитан встретил войну в Москве и еще не привык к руинам, жертвам и крови — всему тому, что принесли на нашу землю враги. Теперь он увидел все это рядом, собственными глазами, и ему казалось, что сердце не выдержит той тоски и боли, которые переполняли его, требовали решительных действий. Со временем он свыкнется и с человеческими жертвами, и с потерей товарищей, и с видом крови — притерпится ко всему, но никогда, до самого своего смертного часа, не забудет он маленького, беззащитного тельца девочки в красном, которую он увидел тогда, в первый день своего приезда в Одессу.

Когда газик, заметно сбавив скорость, выехал на улицу Энгельса и остановился возле серого здания обкома, из машины вышел совсем другой человек. Бадаев резко переменялся за короткий час этого пути. Припорошенное дорожной пылью лицо вытянулось, побледнело, резко обозначились твердые скулы, и только глубоко сидящие серые глаза горели живым огнем.

В кабинете первого секретаря обкома партии Анатолия Георгиевича Колыбанова, куда провели Бадаева и Ивана Неизвестного, было шумно от разноголосого говора участников совещания. Многие — это было заметно по всему — не виделись с самого начала войны, потребовавшей от каждого всех его сил и времени без остатка, и теперь вни-

мательно всматривались один в другого, с удивлением замечая ту разительную перемену, что произошла с ними.

— Анатолий Георгиевич! Вот те, кого мы ожидали,— представил помощник приехавших.

Невысокий человек, похожий на рабочего-сталевара (так почему-то увиделось Бадаеву), с лицом, словно отлитым из бронзы,— так оно было опалено безжалостным южным солнцем, с внимательным взглядом зеленоватых глаз, приветливо, как давним знакомым, улыбнулся им и пожал Бадаеву руку — коротко и сильно. Рукопожатие было сдержанным, но в то же время — дружески-доверчивым.

— Начнем, товарищи! — Анатолий Георгиевич тихонько постучал карандашом по столу, призывая к вниманию. И в кабинете вдруг наступила тугая тишина: присутствующие понимали, что именно сейчас состоится очень важный разговор о том, над чем каждый из них задумывался в последнее время.

Секретарь обкома обвел взглядом своих товарищей и соратников по борьбе. Среди них были секретари партийных организаций заводов и фабрик города, командиры и комиссары частей Одесского гарнизона, сотрудники органов безопасности, старые большевики — опытные бойцы-подпольщики далеких огненных лет гражданской войны.

Анатолий Георгиевич видел их взволнованные, сосредоточенные лица и хорошо понимал, чего они ждут от него. Их волнение передалось и ему, но он заставил себя успокоиться и начал говорить:

— Дорогие товарищи! Пришло время тяжелых испытаний для всех нас, для всего нашего советского народа, и мы должны мудро и трезво определить наши главные задачи.

Секретарь обкома кратко охарактеризовал обстановку, которая сложилась на фронте. Он сообщил, что войска

противника прорвали оборону нашей 9-й армии и практически отсекли ее от главных сил Южного фронта, которые тоже находятся в тяжелом положении. Из соединений 9-й армии создана Приморская группа войск, которая ведет сейчас бои на дальних подступах к Одессе.

Анатолий Георгиевич остановился на минутку и окинул внимательным взглядом молчаливые, суровые лица участников совещания. Затем продолжал своим глуховатым, спокойным голосом:

— Практически Одесса с сегодняшнего дня переходит на осадное положение. По решению Ставки создается Одесский оборонительный район. В связи с этим перед нами встают архисложные и ответственные задачи. Одна из них — это подготовка и организация партизанской и подпольной борьбы в тылу врага.

В кабинете, где еще секунду назад стояла молчаливо-тревожная тишина, вдруг все задвигались, зашумели. В этот момент они со всей остротой осознали: не исключено, что их родной город будет оставлен нашими войсками. До сегодняшнего дня они всячески старались гнать эту мысль от себя. И сейчас было трудно поверить в это.

— Но ведь мы можем еще защищаться, бороться с фашистами! — послышался среди общего шума чей-то взволнованный голос.

— Спокойно, товарищи! — поднял руку секретарь обкома. — Действительно, мы имеем еще достаточно сил и средств для того, чтобы противостоять врагу. И мы будем продолжать борьбу, выполняя директиву Ставки, в которой говорится: «...Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности...» Вместе с тем партия нацеливает нас на подготовку к борьбе в тылу врага, и мы выполним эту работу. Она требует от нас времени и умения, желания и твердости... План организации партизанских отрядов, диверсионных и подпольных групп уже намечен.

В. А. Молодцов (в центре)
на шахте Бобрик-Донской.

Партийный билет
В. А. Молодцова.

К. Н. Зелинский —
секретарь партийной
организации отряда.

Я. Ф. Васин —
заместитель командира
отряда.

Т. У. Межигурская —
связная командира отряда.

Разведчик
Яков Гордиенко.

Анатолий Георгиевич Колыбанов коротко остановился на деталях вооруженной борьбы в подполье, рассказал о возможной дислокации партизанских отрядов и групп в городских катакомбах, которые еще во время революции и гражданской войны использовались как превосходные укрытия. Говорил секретарь и о том, какая большая ответственность за жизнь товарищей ляжет на плечи тех, кто по поручению партии и Советской власти возглавит подпольщиков и партизан. И все сидевшие в большом кабинете секретаря обкома, в том числе и Бадаев, позже очень часто, в самые тяжелые минуты, вспоминали слова, которые слышали здесь.

В те тревожные дни партия провела в Одессе огромную работу по организации подполья. Как потом узнали советские люди, в оккупированном городе действовало десять подпольных райкомов и шестьдесят пять подпольных партийных организаций, работу которых успешно направлял Одесский подпольный областной комитет партии.

После свечения Анатолий Георгиевич подвел к Бадаеву двоих очень несхожих по внешности людей. Один — высокий, с нервными угловатыми движениями, со скуластым широким лицом и пытливыми глазами — энергично пожал руку и коротко кивнул: «Васин». Другой — круглолицый здоровяк, степенный и спокойный — назвал себя Константином Николаевичем Зелинским.

— Товарищ Васин будет вашим заместителем в отряде, — сказал Анатолий Георгиевич, — а товарищ Зелинский — парторгом.

— Вот и собрались вместе! — мягким говорком сказал Зелинский. — Все начальство... — и по-доброму улыбнулся присутствующим.

— Вам бы следовало отдохнуть, товарищи, — предложил секретарь обкома Бадаеву и Неизвестному.

Но командир решительно отказался от отдыха:

— Надо работать. Времени очень мало.

— Да-да,— поддержал его Васин,— мы сейчас съездим в Аркадию.

Здесь, в курортном районе, до войны находился санаторий имени Дзержинского. Теперь здание занимали новые хозяева, мало походившие на отдыхающих. К нему часто подъезжали военные машины с вооруженными, чаще одетыми в гражданское, людьми. На этих же машинах привозили оружие: пулеметы, винтовки, боеприпасы. Однажды подкатила на вороных полевая походная кухня и расположилась под тенью раскидистых фруктовых деревьев. И сразу же запахло душистым дымком и нехитрой солдатской снедью.

Сюда-то и приехали в конце очень насыщенного событиями и от этого кажущегося еще более длинным дня Бадаев и Незнакомый в сопровождении своих новых товарищей, которым было суждено вынести вместе столько испытаний, что их хватило бы на многих.

Наскоро перекусив, Бадаев и Васин отправились осматривать свое хозяйство, а Иван занялся рацией.

Бадаев знакомился с людьми, расспрашивал подробно обо всем: женат ли, где находится семья, коммунист или комсомолец, с какого года, какая профессия, где работал или служил до войны. Расспрашивал о важном и о мелочах, так как знал, что в работе подпольщика мелочей не бывает. Много интересного он узнал об этих людях и от Якова Федоровича Васина. Капитан был дотошным: останавливал Васина, переспрашивал, интересовался деталями жизни бойцов будущего разведывательно-диверсионного отряда. Бадаев понимал, что именно сейчас, при формировании отряда, решается его судьба, его боеспособность...

Наконец Бадаев решительно сказал:

— На сегодня хватит! — Он не спал уже третьи сутки и держался на ногах исключительно невероятным усилием воли.

Яков Федорович понимающе кивнул:

— Отдыхайте, командир, уже второй час ночи. На расвете у вас снова будут люди.

— Кто? — не сдержал любопытства Бадаев.

— Увидите... Ведь еще не решен окончательно вопрос о дислокации отряда. Катакомбы-то большие. Вот придет их знаток, и вместе подумаем, как устроиться поудобнее.

Бадаев улыбнулся определению своего заместителя. В его устах «удобство» приобретало совсем иной оттенок: удобнее для того, чтобы эффективнее бить врага.

Васин ушел, а Бадаев лег на диван. Он думал о семье — жене и троих детях, оставшихся там, в Москве. Понятия «Москва» и «семья» слились в его сознании в единое целое, что было тождественно понятию «самое дорогое, самое святое в жизни»...

* * *

Командир уснул и, как ему показалось, тут же проснулся. Однако за окном уже маячил рассвет. В дверь громко стучали.

В комнату вошли коренастый бородач с колючими глазами и Константин Николаевич Зелинский.

— Клименко Иван Никитович, — отрекомендовал незнакомца Зелинский. — Старый коммунист, участник гражданской, наш главный минер и по совместительству — завхоз. И катакомбы знает...

— Не захвали, Николаевич, — прогудел старик.

Бадаев вскочил бодрый, свежий, словно не три всего, а двадцать три часа кряду отдыхал. Клименко внимательно посмотрел на командира. Видно было, что старика не смутила молодость Бадаева, что ему понравились его жизнь и спортивность.

— Иван Никитович будет нашим первым проводником в катакомбы, — сказал Зелинский. — Он рекомендует ос-

мотреть сначала те, что находятся в районе сел Нерубайское, Усатсзо, Куяльник.

— Далековато от города...— задумчиво протянул Бадаев.

— Зато именно в этом районе много выходов на поверхность. А если пошукать, то найдутся пути и в город. Нерубайские катакомбы были когда-то связаны под землей с самой Одессой,— успокоил его Клименко.

— А в других районах? — спросил командир.

— Есть и в других недурные схованки. Например, Дальницкие катакомбы. Но боюсь, что эти катакомбы не связаны с городом. Они имеют мало выходов. К тому же эти выходы многим известны и заметны постороннему глазу.

— Значит, Нерубайское.... А карта есть?

— Карта...— протянул старик.— А кто его знает, чи есть она, чи нету. Говорят, была, да очень старая и неверная.

— Где, у кого? — оживился Бадаев.

— Мы как раз этим и занимаемся,— сказал Зелинский.— Ищем. А вот найдем ли...

— Надо найти,— твердо сказал командир.— Может пригодиться.— А сейчас поехали в Нерубайское...

Утро встретило их свежестью красок и неугомонной трескотней птиц. Заря — яркая, словно умытая,— стояла во все небо. Солнце вот-вот должно было взойти, и радужный мир трепетал от восторга перед своим божеством. Но вдруг эту гармонию нарушил гул, совершенно несовместимый со звуками прекрасного утра.

— Стервятники, черти их несут...— сердито заметил старый Клименко.— Снова бомбить...

И сразу мир словно потускнел, стерлись краски. Бадаев заспешил:

— Пора!

Ехали быстро, но с оглядкой. Понимали, что могут уго-

дить под бомбежку. Спустившись к Фоминой Балке, машина остановилась: отсюда надо было идти пешком.

Шли недолго, через сельское кладбище, пустырь, спустились в небольшой овражек. Вдруг Клименко исчез, словно провалился сквозь землю. Бадаев в замешательстве остановился.

— Тута я! — высунул голову из-за небольшого выступа старик. И только подойдя к нему совсем близко, Бадаев увидел небольшую дыру в отвесе овражка. Это была даже не дыра, а узенькая щель, куда едва мог протиснуться взрослый человек. Он полез вслед за проводником и сразу же остановился. После яркого света он ничего не видел перед собой.

— Ничего, зараз пообвыкнешь, — сказал Иван Никитович.

Предусмотрительный Зелинский уже зажигал шахтерскую лампу, которая осветила расширяющееся вширь и вверх пространство. В нос Бадаеву ударили сырость и застоявшийся, спертый воздух. Да, нелегко будет жить здесь, да и отсутствие солнечного света губительно скажется на здоровье людей. А значит, и на их боеспособности. «Надо будет особое внимание уделить санитарии и гигиене в отряде, иначе не враг нас побьет, а болезни», — подумал Бадаев. И словно в ответ на его мысли Зелинский сказал:

— Врач у нас будет. Медикаментов запасли достаточно, и медицинские сестры есть уже. Помните их?

— Да-да, — отозвался командир. — Но не только этим придется заниматься женщинам. Связь — вот чему больше всего надо их учить сейчас. Женщинам легче будет осуществлять связь с городом, с нашими верховыми группами...

Они все дальше уходили от солнечного света и тепла. Становилось холодно, под ногами хлюпала вода. Бадаев поежился от упавшей за воротник капли. И тут же забыл

о ней, потому что шедший впереди старик предупредил:
— Осторожнее! Справа — колодец, нырнешь — и поминай как звали...

— Не пугай, Никитович! — засмеялся Зелинский. — Уже пуганые...

Почти целый день и потом еще много дней Бадаев в сопровождении Клименко или старого нерубайского горняка Гаркуши спускался под землю, учился ходить по старым выработкам, ориентироваться в катакомбах, привыкал к ним.

Бадаев продолжал работу по организации отряда. В одном из донесений в Центр Бадаев — корреспондент № 12 — сообщает: «Подбираю людей через партийные органы города. Подготовлены явочные квартиры: парикмахерская на углу Молдаванки (окна на Разумовскую), мастерская по ремонту примусов и керосинок — на Нежинской, в районе базара — харчевня, сапожная мастерская, химчистка, овощная лавка...»

В ежедневных заботах, в подготовке отряда к будущей борьбе быстро бежало время.

Между тем положение Одессы, которая оказалась в глубоком тылу противника, стало еще более сложным. Военный совет Одесского оборонительного района делал все возможное, чтобы обеспечить защиту города.

Немецко-фашистское командование бросило на Одессу 4-ю румынскую армию. В ней насчитывалось двенадцать дивизий и семь бригад. Врагу противостояла Отдельная Приморская армия в составе трех дивизий, двух полков и нескольких отдельных отрядов морской пехоты. С моря защитников города поддерживали боевые корабли Черноморского флота.

Советские войска вели изнурительные бои.

После очередной встречи с членом Военного совета секретарем обкома А. Г. Колыбановым Бадаев начал переправлять свой отряд в Нерубайские катакомбы — надо

было готовить и обживать подземные помещения. А сам занялся другими неотложными делами. Прежде всего следовало наладить связи с секретарями подпольных райкомов партии: Пригородного — Семеном Федоровичем Лазаревым и Овидиопольского — Иваном Гавриловичем Илюхиным. Эти райкомы должны были разместиться в соседних Усатовских катакомбах. Кроме того, Бадаев продолжал детально знакомиться с Одессой.

В этом ему помог Яшуня, как сразу же стали называть в отряде шестнадцатилетнего паренька Яшу Гордиенко, с которым Бадаева свел случай.

Этот умный, шустрый подросток с каждым днем все больше нравился командиру. Казалось, не было уголка в городе, незнакомого Яше, не происходило ни одного события, о котором бы он не знал, в котором не принимал бы участия. Сообразительность и прекрасное знание города делали мальчишку вездесущим.

— Яшуня, сможешь пробраться в порт? — спрашивал Бадаев.

Яков насмешливо прищуривал глаза:

— Или!

— А как же посты?

— А я мимо! — восклицал парень и тут же исчезал с глаз долой.

Имея пропуск на свободный вход в порт, Бадаев спешил к трапу парохода, около которого договорились встретиться, и с удивлением заставал возле него явно скупающего Яшу...

— Яшуня, знаешь ребят себе под стать? — спросил как-то Бадаев и в ответ услышал Яшино привычное: «Или!»

Так появились в отряде старший брат Якова Гордиенко Алексей, еще несколько его друзей по школе и комсомолу. Бадаев надумал организовать из них нечто вроде «легкой кавалерии» — летучего мальчишеского отряда,

незаменимого в разведке и менее уязвимого, чем взрослые бойцы. Конечно, риск был огромный: сумеют ли подростки проявить необходимую осторожность и бдительность? А если провал? Выдержат ли пытки, не предадут ли товарищей? А что скажет он матерям, если их дети погибнут?

Однако, ближе познакомившись с ребятами, Бадаев все более убеждался в их стойкости и преданности товарищам. В то же время он видел: они так сильно ненавидят фашистов, что не смогут остаться в стороне от борьбы. Если не привлечь их к организованной подпольной деятельности, они самостоятельно поведут борьбу с врагом. И сколько при этом наделают лишних ошибок, принесут ненужных жертв! И он решил: мальчишескому верховому отряду — быть! А возглавит его Яша.

Информируя Москву о своих действиях, Бадаев сообщает 12 сентября: «Для разведки и связи подобрал замечательных юношей...» А через несколько дней, 15 сентября, он передает: «Молодежная группа оформлена. Во главе поставлен Яков Гордиенко. Ему шестнадцать лет, смелый и энергичный...»

Последовавшие события подтвердили правильность этого решения. Яша и его друзья оправдали все возложенные на них надежды. И даже более того, стали в своем роде незаменимыми в борьбе с оккупантами.

Встречи, встречи... Десятки, сотни. А в отряд вливались единицы.

...Одной из первых пришла в отряд Тамара Межигурская, отправив в тыл со знакомыми своего пятилетнего сына. Когда Бадаев узнал об этом, у него, словно от недоброго предчувствия, сжалось сердце. Первой реакцией было не брать ее в отряд, но потом Павел подумал, что и у него, и у многих других бойцов из отряда тоже есть дети. Именно за них, за их будущее счастье отцы и матери вступили в борьбу с врагом.

В том, что Тамара Межигурская рвалась в бой, сомневаться не приходилось. Межигурская сама попросила своего начальника (она была сотрудницей областного управления НКВД) направить ее туда, где сейчас тяжелее всего. И когда Тамаре предложили вступить в отряд Бадаева, она тут же согласилась.

Очень скоро командир убедился в том, что Межигурская могла бы стать хорошей связной: немногословная, сдержанная, наблюдательная, она старалась и умела незаметно быть полезной во всем, что происходило вокруг.

Однажды к Бадаеву привели высокую, статную, очень красивую девушку. Вьющиеся волосы обрамляли ее удлиненное лицо. Под тонкими, выгнутыми дугой бровями сияли темные большие глаза.

— Это Тамара Шестакова, медсестра с госпитального судна,— представил вновь прибывшую парторг Зелинский.— Боевая дивчина: фашист строчит из пулемета на бегущем, а она знай себе раненых перевязывает да ободряет, словно и не пули свистят около нее, а дождик идет,— сказал Константин Николаевич.

— Это безрассудно,— нахмурился Бадаев,— подобная храбрость к добру не приводит. Хотя... и она в некоторых случаях необходима.

Шестакова потупилась, слушая командира — такого молодого на вид и такого рассудительного и сурового. А Бадаев продолжал уже более мягко:

— Если останетесь у нас в отряде, геройствовать подобным образом вам не придется. Работа у нас такая, что все надо делать скрытно, незаметно — даже ходить, а иногда и дышать... Город знаете?

— Я не одесситка... — чуть слышно проговорила Тамара.

— Это плохо,— заметил Бадаев.— Изучайте город, пока еще есть время... А фашистов бить хотите?

— Очень хочу! — горячо ответила Шестакова.

Командир одобрительно кивнул:

— Вот это хорошо. Только есть еще одно «но»...

Тамара с тревогой взглянула на Бадаева.

— Как мы теперь разбираться будем с двумя Тамарами: ведь у нас в отряде уже есть Тамара Межигурская...

Шестакова облегченно засмеялась. Парторг хитровато прищурил глаза, посмотрел на девушку и предложил:

— Будем называть Межигурскую Тамарой-маленькой, а Шестакову — Тамарой-большой.

С тех пор так и называли в отряде двух Тамар — «большой» и «маленькой». Межигурская и Шестакова стали связными Бадаева.

Дел в лагере с каждым днем и даже часом прибавлялось. Только решили вопрос об оружии и боеприпасах, как надо было подумать о запасах продуктов питания для бойцов: ведь на одних консервах долго не протянешь. Бадаеву было яснее, чем многим другим в отряде, что борьба предстоит долгая и тяжелая и поэтому устраиваться в катакомбах надо обстоятельно.

Завхоз Клименко никак не мог прийти к выводу, на чем удобнее готовить еду: на печи, которую еще надо было сложить, или же на примусах. С одной стороны, на печи удобнее варить на большое количество людей. Но дым мог выйти на поверхность и этим выдать местонахождение отряда. Да и заготовка топлива была очень уж трудоемкой. Кроме того, в условиях катакомб дрова быстро отсыревали и становились совсем непригодными для топки. Готовить на примусах... Сколько же их надо было, чтобы наварить еды на весь стряд? А где взять столько ценного по тому времени керосина?

В конце концов решили запастись примусами и керосином. Через несколько дней они были доставлены в катакомбы. В подземной кухне вкусно запахло наваристым борщом, по которому уже скучали молодые бойцы, оборудовавшие катакомбы для отряда.

А дни все летели... Незаметно кончился август, промелькнул в хлопотах и приготовлениях сентябрь. Октябрь заявил о себе штормовыми ночами, пожарами, грохотом боев, что шли уже под самым городом. Фашисты все сильнее сжимали кольцо вокруг Одессы.

В конце сентября по наступающим войскам противника был нанесен комбинированный удар: корабли под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова высадили 3-й полк морской пехоты в районе Григорьевки, одновременно в тыл врага был сброшен парашютный десант. В результате фашистские войска были отброшены на 5—8 километров от города.

В те дни «Правда» писала: «Среди бесчисленных подвигов, совершаемых советскими патриотами в Отечественной войне, героическая оборона Одессы, так же как Ленинграда и Киева, является волнующим примером беззаветной любви к Родине и к родному городу, изумительным по силе проявления массового бесстрашия и коллективного героизма».

Все попытки врага захватить город оканчивались провалом. Однако обстановка на Юге Украины осложнилась. Группа гитлеровских армий «Юг» угрожала прорывом в Донбасс и Крым. В этих условиях Ставка приняла решение использовать войска Одесского оборонительного района для усиления обороны Крыма. В директиве Ставки от 30 сентября 1941 года значилось: «Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров».

С первых чисел октября корабли Черноморского флота скрытно начали эвакуацию войск. В течение двух недель эта операция была блестяще осуществлена...

Все труднее становилось бойцам отряда Бадаева незаметно проникать в Нерубайские катакомбы. Командир отдал приказ переходить на нелегальное положение. Ведь

никто не должен был знать о том, что в катакомбах за-
таился отряд.

16 октября Бадаев докладывает в Центр Григорию: накануне наши войска начали планомерный отход с оборонительных рубежей. Сегодня утром из порта уходят последний транспорт с войсками и сторожевые пограничные катера.

В городе появились листовки с воззванием к населению Одессы от имени областного комитета Коммунистической партии и областного Совета депутатов трудящихся, в котором говорилось:

«Дорогие друзья! Кроважадные фашистские захватчики вероломно напали на нашу любимую Родину... хотят закабалить советский народ, сделать нас, свободных граждан, своими рабами, разорить наши города и села, забрать все богатства, созданные нашим упорным трудом...

Кровавый враг захватил территорию нашей области. Он пытался уже давно захватить и наш славный солнечный любимый город. Больше двух месяцев длилась осада Одессы. У ее ворот враг сосредоточил крупнейшие силы. Героические защитники Одессы, Красная Армия, Черноморский флот, поддерживаемые всеми трудящимися, с невиданным героизмом и мужеством защищали советское Причерноморье. Они с честью выполнили долг перед Родиной...

Однако теперь, в связи с изменившейся обстановкой в условиях длительной осады, Одесса слишком далеко очутилась от баз снабжения и потеряла свое прежнее стратегическое значение. В силу этого Советское правительство и Главная Ставка решили оставить Одессу, отозвав войска на другие участки фронта.

Дорогие друзья — рабочие, колхозники, интеллигенция г. Одессы и Одесской области! Сколько мы с вами приложили труда, чтобы построить фабрики и заводы, оснащенные первоклассной техникой, чтобы на бывшей

панской земле, которую Советская власть отдала вам в вечное пользование, буйно расцвела наша счастливая зажиточная жизнь...

И вот теперь трижды проклятый Иуда-Гитлер со своей бандой посягнул на наше счастье, на нашу волю, на наши богатства. Но никогда не бывает этому, никогда не отобрать у нас наших завоеваний...

Областной комитет партии и исполком областного Совета депутатов трудящихся призывает вас не складывать ни на минуту оружия в борьбе против немецких оккупантов. Беспощадно расправляйтесь с... захватчиками, бейте их на каждом шагу, преследуйте по пятам... Создавайте диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для взрыва мостов, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов, создавайте невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследуйте и уничтожайте их на каждом шагу, саботируйте и срывайте все мероприятия захватчиков.

...Пусть в каждом районе, в каждом селе нашей области и в городе Одессе грозно пылает пламя партизанской мести. Действуйте смело и бесстрашно, беспощадно бейте и уничтожайте врага! К оружию, товарищи! Вперед за нашу победу! За Родину!»

Читая это воззвание на общем собрании отряда, Бадаев отметил, как посуровели лица бойцов. Молча выслушали они речь командира о том, в каких исключительно трудных условиях придется им бороться с врагом. Эффективность этой борьбы будет зависеть от организации и дисциплины в отряде. Они оставлены тут не для того, чтобы прятаться и пережидать лихое время. Бить врага ежедневно, ежеминутно, не давать опомниться. Бить так, чтобы земля горела у него под ногами,— вот задание Родины, и они выполнят его с честью!

Слово взял партторг:

— У нас в отряде — девять коммунистов. Я говорю от

их имени: коммунисты, как всегда, будут в авангарде борьбы с фашистами. А с ними и все бойцы отряда, я уверен, будут бить их до полной и окончательной победы. Пусть каждое мгновение пребывания врага в городе несет ему гибель от нашей руки!

— А теперь каждый из вас должен дать клятву, — сказал Бадаев и начал читать: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды партизан, торжественно клянусь быть стойким, мужественным и дисциплинированным. Не щадя жизни и крови, клянусь защищать свою Родину до полной победы над врагом. Если же я нарушу свою клятву, то пусть меня покарает суровая рука товарищей и советский закон. Клянусь!»

— Клянусь! Клянусь! Клянусь! — эхом отозвались бойцы.

Это было в ночь на 16 октября 1941 года. А уже наутро бадаевцы вышли на выполнение первой боевой операции...

Занимающаяся заря застала бойцов отряда на местах. Командир еще раз проверил правильность выбранных заранее позиций. Бадаев понимал, насколько важен успех этой операции для всей дальнейшей борьбы его отряда с фашистами. Первый бой должен стать как бы запевом, который определит все последующие победы, поможет пережить неудачи, укрепит дух и боеспособность каждого бойца отряда, в том числе и его собственные. Да, и ему, может быть больше, чем кому бы то ни было, нужна эта первая победа над врагом.

Тщательно замаскировавшись в складках местности, прижавшись к земле, ждали бойцы врага. Вот уже и солнце перешагнуло зенит, а дорога, ведущая в Нерубайское, была все еще пустынной.

— Нет, ну до чего же тихо, — мечтательно протянул Яша Гордиенко, лежавший рядом с Бадаевым, — словно и войны никакой нету. Чуете? Даже стрелять перестали.

— Да, видно, бояться фашисты вступать в город,— предположил командир.— Ждут подвоха. И не думают, что Одесса уже оставлена нашими...

В этот момент парторг, лежавший за соседним порыжелым от высохшей травы бугорком, сказал:

— Вон они, треклятые. Ишь, запылили...

И действительно, на дороге, ведущей в небольшую балочку, которую контролировали партизаны, показался головной отряд врага. Впереди на лошади ехал долговязый офицер, за ним шла колонна автоматчиков. В тот момент, когда последний автоматчик вошел в балочку, Бадаев отдал приказ:

— Огонь!

Партизаны открыли прицельный огонь. Фашистский офицер был убит. Солдаты сначала растерялись и никак не могли сообразить, откуда ведется обстрел. А бадаевцы, пользуясь их замешательством, усилили огонь. Наконец кое-кто из фашистов залег за скирдами соломы, начав беспорядочно отстреливаться. Но партизаны быстро выкурили их оттуда, забросав гранатами.

Вскоре бой закончился. Лишь немногим вражеским солдатам удалось спастись бегством. Бадаев дал сигнал к отходу.

— Ну и задали мы им жару!— восторгался по пути в катакомбы Яша.— Пусть знают, как соваться!

— Если бы это могло их остановить...— сокрушенно ответил командир.— Ведь за ними придут сотни, тысячи... Но и им не будет пощады, правда, Яша?— и он крепко обнял паренька за плечи.

— Да, командир, не будет им покоя на нашей земле.

Бадаев вовремя укрыл истребительный отряд в катакомбах. Через некоторое время враг открыл ураганный огонь по месту, где партизаны провели свой первый бой.

— Они, очевидно, приняли нас за бойцов регулярной армии!— удовлетворенно потирая руки, смеялся замести-

тель командира Васин.— И невдомек фашистам, что это мы, партизаны, заявили о себе!

Так началась 907-дневная эпопея борьбы оккупированной, но непокоренной Одессы. И одним из ее участников был коммунист Бадаев.

* * *

Бадаев открыл глаза и прислушался: в каморку не проникал ни единый звук. Это немного его озадачило, и командир, нашарив возле себя фонарик, направил луч света на часы. Было всего четыре часа утра. Уставшие бойцы спали, а время для появления связных еще не пришло. Поэтому Бадаев позволил себе снова прилечь — не так-то много приходилось ему отдыхать последние дни.

Что это ему приснилось сегодня? А, вспомнил: снова видел во сне забой. Почему-то в катакомбах ему все чаще стали сниться дни молодости. Может быть, потому, что они напоминали ему подмосковные шахты, где, собственно, и начинался он как человек...

Из дневника Владимира Молодцова:

«25 октября 1930 г. Четыре смены отработал в шахте, в забое. Работа физически очень тяжелая. Сильно устаю. Но... духом не падаю, сохраняю прежний подъем и твердое решение оправдать доверие ребят.

Теперь вижу, что у людей, не работавших в шахтах, о них нет никакого представления. В забой ведут угрюмые, молчаливые, затаившие в себе что-то, загадочные длинные штреки. Помню, как в первый раз спустился. Рабочие стояли в две очереди к двум клетям. Весело мигали огоньки лампочек. Оживление царило в толпе. Поднимались и опускались бесшумно клетки. Только решетка лязгала, глухо закрывая доступы к клетям после ее спуска. Подошла моя очередь. Дрожь любопытства пробежала по телу. Клеть поднялась. Вышла поднятая смена. Я вошел в клеть. Это железный ящик — сырой от текущей по стенам воды. Клеть рванулась вверх, замерла на месте и быстро, плавно и стремительно полетела вниз. Захватило дух, замерло сердце... В шахте пахло сыростью. Долго, километра полтора-два, шли под землей до шахтной

нарядной. Тут на лавочках, устроенных по бокам штрека, сидели шахтеры. Множество лампочек освещало штрек. У окна десятичка толпились в беспорядке забойщики.

Взяв лопаты и кайло, двинулись в забой. Забой — это то место, откуда выбирается уголь. Работу кайла в некоторых местах заменял отбойный молоток. Он похож внешне на электрическую дрель. На конце у него пика. Поршень ударяет в пик и толкает ее в уголь. Молоток делает очень много ударов. Для начального пуска пара необходимо слегка молотком нажать на уголь. Ослабил нажим — и работа прекратилась. Работа отбойных молотков по стучу сходна с трескотней пулемета...»

«Та-та-та-та» — дробно застучало невдалеке. «Нет, это уже не отбойный молоток, — окончательно проснулся Бадаев и вскочил на ноги. — Наверное, кто-то из партизан отрабатывает технику стрельбы: и тут, под землей, они продолжают учиться военному ремеслу».

— Товарищ командир, к вам с донесением! — доложил дежурный.

В закуток вошла Шестакова и в изнеможении прислонилась к каменной стене.

— Садись, садись скорее! — заторопился Бадаев, поддвигая ближе к девушке табурет и вглядываясь в ее ввалившиеся глаза.

Тамара благодарно улыбнулась.

— Ну, как там, наверху? — спросил Бадаев.

— Ой, плохо, командир! Что фашисты делают... — чуть не расплакалась девушка. Но сдержалась и продолжала по-деловому: — Вчера на улице Энгельса, бывшей Маразлиевской, взорвано здание, в котором размещалась комендатура. Фашистов полегло — человек триста! Говорят, генерал Глугояну, комендант Одессы, тоже нашел там свою могилу...

— Ай да молодцы! — не выдержал Бадаев.

— Кто? — не поняла его Шестакова.

Но командир только глянул на нее веселыми глазами и велел рассказывать дальше. Даже ей — разведчице и

связной — он не мог сказать все, что было ему известно. Таковы уж законы конспирации: никто не должен знать больше того, что ему лично поручено. Только Москва знала обо всем.

...Много лет спустя в печати появился подробный рассказ об этой диверсионной операции. Еще до отхода советских войск из Одессы нашей разведке удалось раздобыть план размещения в городе оккупационных войск. В здании НКВД на улице Энгельса фашисты предполагали разместить штаб главного командования, сигуранцу и гестапо. По приказу советского командования здание было скрытно заминировано: в подвал дома заложена управляемая по радио мина замедленного действия. Вскоре после того как Одесса была занята фашистами, Бадаев отправил радиогранму о предстоящем важном совещании оккупационных властей. Вечером 22 сентября 1941 года в эфир полетели незаметные на фоне музыки сигналы кодированной команды, поступившие в приемник телефугаса. Раздался взрыв.

— После этой диверсии фашисты лютуют в городе и окрестных селах,— продолжала рассказывать связная.— Везде — на фонарях, деревьях — повешенные. На одной из площадей на виселице молодой парень, а на нем табличка: «Я — партизан. То же будет и с остальными». Только он не из наших. Сама все видела. Сердце от горя разрывалось, а смотрела,— горько заключила Тамара.

— Они нам сполна заплатят за все,— сурово сказал Бадаев.— Уже сейчас они дрожат от страха. Им кажется, что в катакомбах скрывается целое соединение советских войск, не успевшее покинуть город. Пусть так думают и дальше, а мы уже как-нибудь им в этом поможем. В очередной раз, когда пойдешь в город, загляни на базар. Поговори по-свойски с горговками: мол, засела в катакомбах красная дивизия. Пока этот слух дойдет до фашистов,

дивизия превратится в целую армию! — рассмеялся командир. — Еще что у тебя?

— Была в примусной мастерской. Видела Яшуню с ребятами. Горячие хлопцы! Проведали о складе горючего в несколько десятков цистерн около железнодорожного депо. Так хотели сами же и взорвать их, да я сказала, что без вашего приказа ничего делать нельзя.

— Правильно! — похвалил Тамару Бадаев. — Это не их дело. Что разведали, спасибо, а подрывать будут другие. Как охраняется склад, ребята узнали?

— Да, вот схема постов, — девушка отвернулась и откуда-то из-под платка на груди достала замусоленную бумажку.

— Яшунькин код, — улыбнулся командир, взглянув на схему. — Не знай я его, никогда не догадался бы, что тут обозначено. Все?

— Пока все, — устало ответила Тамара.

— Ну что ж, спасибо тебе. Иди отдыхай.

Так начался этот день в катакомбах, похожий на многие другие дни. Отряд капитана Бадаева все шире разворачивал разведывательно-диверсионную деятельность. Большое внимание уделялось сбору информации. Она поступала от бойцов, возвращавшихся из очередного рейда, от верховых разведчиков, рыбаков, железнодорожников, крестьян. Они сообщали о расположении батарей береговой обороны, аэродромов и складов горючего, о переброске фашистских войск, о следовании эшелонов врага. Некоторые сведения добывали связные Бадаева.

В штабе донесения перепроверялись, зашифровывались, превращались в листки сводок, которые по радиации передавались в Москву, в Центр. Отсюда они поступали в управление разведки, в Генеральный штаб.

23 октября 1941 года Бадаев сообщил в Москву: «Немецкие и румынские войска большими колоннами движутся по направлению к фронту по шоссейной дороге на

Николаев. Машинами перевозят только немцев. Румынские войска движутся пешком. Предположительно, это части 4-й румынской армии».

А 30 октября группа самолетов советского авиационного соединения, действовавшего на Южном фронте, успешно атаковала крупную мотоколонну противника. Было уничтожено 120 автомашин и до двух батальонов пехоты. Это и были те части, о которых рапортовал Бадаев.

6 ноября 1941 года от Бадаева поступило следующее сообщение: «Установлено, что 7 ноября на аэродром в зоне Седьмой станции Большого Фонтана в 10.00 ожидается приземление большой группы немецких бомбардировщиков. Назначение — Крым».

На следующий день не успел последний вражеский самолет подрулить на место стоянки, как аэродром начали бомбить краснорезные самолеты. Это был ответ Москвы на сообщение своего одесского корреспондента. Ни одна машина не поднялась в воздух.

В канун годовщины Октябрьской революции, несмотря на тщательную охрану вражескими солдатами главных выходов из катакомб, несмотря на то, что они усиленно искали и замуровывали каждую щель в земле, жестоко расправлялись с патриотами, которые помогали подземным бойцам,—несмотря на все это бадаевцы разрушили телефонную и телеграфную связь от села Нерубайское до Кривой Балки, взорвали немецкую грузовую машину, расклеили листовки, в которых поздравляли население с праздником и призывали не ослаблять борьбу с захватчиками.

Вскоре после этого бадаевцы совершили еще одну дерзкую операцию.

Железнодорожники через Яшу Гордиенко сообщили командованию отряда, что в ночь на 17 ноября в Одессу должен прибыть люкс-поезд специального назначения.

Как было установлено, в этом поезде следовала большая группа чиновников и офицеров на смену тем, кто был погребен под развалинами комендатуры.

Бадаев решил послать к станции Застава в пригороде опытного минера Ивана Ивановича Иванова и парторга Зелинского с группой прикрытия. Осторожно выйдя из района катаксмб, бойцы пробрались к станции и залегли в противотанковом рву, который остался со времен обороны Одессы советскими войсками. Вокруг свистела и стонала ноябрьская ночь.

Мимо несколько раз проехал конный патруль. Подрывники подумали: неспроста в такую погоду фашисты гоняют своих людей вдоль дороги. Значит, сведения о спецсоставе правильные.

Выбрав удачный момент, заложили под полотно мину. Ждали долго — несколько часов. Совсем закоченели и хотели было уже возвращаться назад: велика была опасность, что их здесь обнаружат. Но тут послышался стук колес. Прогрохотал паровоз с порожняком, за ним — дрезина, одна, другая. И вот появился большой состав. Мина рванула под четвертым вагоном. Было уничтожено около 300 оккупантов.

На одном из сеансов связи Григорий поздравил Бадаева и его товарищей с победой и сообщил, что ряд бойцов во главе с командиром отмечены правительственными наградами.

* * *

Вскоре после этой диверсии фашистское командование организовало решительное наступление на подземный гарнизон.

Однажды днем в каморку к Бадаеву ворвался тринадцатилетний вихрастый паренек Коля Медерер, сын одного из бойцов отряда — Ивана Францевича Медерера. Он

еще до прихода оккупантов в Одессу тайком пробрался в катакомбы вслед за отцом да так и остался здесь.

— Товарищ Бадаев! — закричал мальчуган. — Со второго поста сообщают: фашисты стягивают силы у главного входа в катакомбы со стороны Нерубайского. Даже пушку притащили. Наши уже вступили в бой с ними!

Командир, захватив с собой Колю, чуть ли не бегом отправился в штаб. «Теперь главное — не дать ребятам упасть духом, сдерживать первый натиск, а там уж...» — думал он на ходу. Навстречу ему бежал Васин.

— Что будем делать, командир?

— Яков Федорович, бери людей и скорей иди к главному входу на помощь Зелинскому! — приказал Бадаев.

— На проводе первый пост! — увидев командира, доложил дежурный. — Фашисты начали обстрел из пушек. Павел взял трубку:

— Какие пушки? Малого калибра... Отойдите поглубже, затаитесь, — распорядился он. — Когда противник начнет наступать, бейте из-за выступов и поворотов прицельным огнем. Так он нас не одолеет, — подбодрил он кого-то на том конце провода и повесил трубку.

...Бой продолжался уже около двух часов. Оккупанты то снова принимались бить из пушек, то лавиной накатывались на вход, пытаясь на плечах партизан ворваться под землю. Но бойцы отряда, хорошо маскируясь, меткими выстрелами наносили врагу серьезный урон. Бешеные атаки фашистов начали ослабевать.

«Думаю, что этим дело не кончится», — подумал командир. И верно. Снова затрещал телефон, и дежурный сообщил:

— В Усатово скапливаются войска. Собираются пожаловать к нам в гости и с этой стороны.

— Ну что ж, — зло сузив глаза, ответил Бадаев, — встретим «дорогих гостей», как подобает гостеприимным хозяевам. Ну-ка, Коля, бегом к главному входу. Передай

Васину и Зелинскому, пусть оставят там только усиленные посты, а сами поспешат в направлении Усатово.

Положение в Усатово осложнилось тем, что фашистское командование поставило впереди наступающих частей большую группу арестованных горняков и силой заставило их идти в катакомбы.

— Не стрелять! — отдал приказ Бадаев. — Надо пропустить солдат поглубже и отрезать их от горняков, открыв огонь из боковых ответвлений.

Вскоре ему сообщили, что опасность проникновения врага в лагерь со стороны Усатово миновала. Один из горняков, запугав фашистов тем, что шахта очень старая и что в ней часто случаются обвалы, увел их в противоположную сторону, и сейчас они блуждают где-то в катакомбах.

— Быстро им оттуда не выбраться, — облегченно вздохнул Бадаев. — Но все же надо следить, как бы снова не направились к нам...

Бой продолжался, то затихая, то разгораясь с новой силой, уже вторые сутки. И все это время Бадаев находился в штабе.

Позвонил Зелинский:

— Слушай, командир, фашисты затевают что-то неладное. Они замуровывают входы, лазы, воздушные колодцы и привезли какие-то баллоны, — сообщил парторг Бадаеву.

— Та-ак, — протянул Бадаев. — Значит, всерьез собрались нас выкуривать.

— Что? — не понял Зелинский.

— Выкуривать, говорю, собираются нас, газом.

— Что будем делать?

— Срочно иди в штаб. Сейчас ты нужен будешь здесь, — сказал Бадаев и повесил трубку.

Командиру было ясно: надо как можно скорее перекрыть доступ газа к партизанской базе. Он в задумчиво-

сти склонился над старой картой. Нет, одному тут ничего не решить.

— Коля, пулей лети и разыщи Гаркушу,— попросил си Медерера-младшего. Но далеко бежать мальчику не пришлось: старый горняк, услышав о том, что замышляет враг, сам поспешил к командиру.

— Дед Иван, подскажи: где лучше строить перегородки? — спросил Бадаев, пододвигая к нему карту.

— Ты, командир, на эту карту не смотри. Я и без нее знаю, где заслон ставить,— сказал Гаркуша.— Только людей мне надо три группы, стало быть — на три стенки...

— Три группы... Да где же у меня люди-то? Одни — в бою, другие — в лазарете. Вот разве что привлечь женщин и стариков?..

В лагере было несколько женщин с детьми, а также пожилых людей, которые пришли в катакомбы из окрестных сел. Женщины готовили для бойцов еду, стирали, ухаживали за ранеными и больными.

— Созови-ка ты, дед Иван, всех старых и малых,— распорядился командир,— да ступай с ними на заделку вентиляционных ходов. А найдутся у меня еще люди — пришло на подмогу.

— Все сделаю, как надо, не сомневайся! — ответил важно Гаркуша. Ему было очень лестно получить от самого командира такое ответственное задание.

А Бадаева уже одолевала другая забота. Закрывать вентиляционные штреки — это значит не только не пропустить смертоносный газ, но и прекратить доступ свежего воздуха. Следовательно, нужно искать новые выходы, раскапывать старые воздушные колодцы. И для этого нужны люди.

— Объявить общий сбор! — приказал Бадаев дежурному по штабу.

Все, кто не находился в этот момент в дозоре или на

дежурстве, пришли в самое просторное помещение — ленинскую комнату, место общих собраний. Командир обвел людей пристальным взглядом.

— Товарищи! Враг задумал черное дело: замуровать нас живьем под землей и отравить газами. Но мы не будем просить у него пощады, мы будем продолжать борьбу до конца, как и поклялись. Так ведь?

— Так, командир! — зашумели бойцы. — Говори, что надо делать!

— Вам, товарищ Клименко, я поручаю возглавить поисковую группу. Необходимо найти новые воздушные колодцы. И учтите: от того, выполните вы задание или нет, зависит судьба нашего отряда. Возьмите с собой все необходимое и — в дорогу.

Завхоз потоптался нерешительно и спросил:

— А харчей сколько взять? — Ему было хорошо известно, насколько скудны партизанские запасы. С тех пор как усилилась блокада катакомб, партизаны сидели почти на одной баланде — заваренной на воде муке.

— Взять с собой двухнедельный запас продовольствия, сало и хлеб, — приказал Бадаев.

...Вот уже вторая неделя подходит к концу, как ушла поисковая группа. Воздуха почти нет. Легкие разрывает сухой кашель. Лампы еле горят: не хватает кислорода. Нельзя приготовить горячую еду. Всем очень тяжело, но особенно детям: они чахнут буквально на глазах.

Пытаясь найти выход наверх, Бадаев несколько раз обошел все закоулки, облазил все тупики, но — безрезультатно. Однажды, наткнувшись на старый завал, он попытался разобрать его и чуть не наделал непоправимой беды. За завалом оказалась штольня, наполненная отравленным газом. Он едва успел заделать дыру, почувствовав предательский запах. После этого его несколько часов мучил раздирающий внутренности кашель.

Сейчас Бадаев сидит в своей каморке, опустив голову

на крепкие руки. Он мысленно с теми, кого отправил в дальний поиск. Бадаев представляет, как его товарищи идут подземным лабиринтом, пробираются через узкие щели в земле, под угрозой обвала раскапывают давно заброшенные переходы. Где-то они сейчас, что с ними?

— Есть! Есть воздух! — слышался вдруг чей-то крик.

Кто-то буквально влетел в его каморку.

— Товарищ командир! Есть воздух! — услышал он ликующий голос Межигурской. — Идемте!

Они выскочили в соседний штрек. Все население лагеря окружило Клименко и других товарищей из поисковой группы. При слабом мерцающем свете ламп Бадаев с трудом узнал их. Грязные, изможденные, они едва держались на ногах. Но улыбки, освещавшие закопченные до черноты лица, говорили яснее всяких слов, что задание они выполнили.

— Товарищ командир! — обратился к Бадаеву Иван Никитович, пытаясь выпрямиться по стойке «смирно». — Есть воздушный колодец! Надо только расчистить несколько завалов, и воздух через обходной штрек свободно пойдет в лагерь...

Бадаев крепко обнял старого горняка:

— Молодец, Никитович! А теперь надо, не теряя ни минуты, провести туда людей для расчистки проходов. Дойдешь ли?

— Не бойся, дойду!

Пока добирались до места, Клименко рассказывал:

— Мы сначала пытались раскопать один давно заброшенный колодец. Но вскоре после того, как начали копать, нас всех чуть не залило потоком воды из подпочвежного родника. Еле выбрались из той дыры. Дальше — еще хуже. Наткнулись на газ, чуть не задохнулись... После этого стали действовать осторожнее и расчетливее: видим старую выработку и, пока всю не излазим, не

уходим. Вот так и нашли выход на поверхность. Шахта очень старая: кровля едва держится, крепь вся сгнила и падает от малейшего толчка, а с нею, конечно, и земля. Нас там едва не засыпало. Ну, а где шахта, там и воздушные колодцы, и выход на поверхность. Мы пробрались к выходу совсем близко...

— Надеюсь, никто вас не заметил? — спросил Бадаев.

— Ни в коем разе! — поспешил успокоить его Клименко. — Я все разведal: выходит шахта в глухой овражек, который и заметишь-то не скоро, настолько он мал, щель в земле и все тут.

Они еще долго шли под землей. Наконец Клименко подвел их к воздушному колодцу. Высоко над головой виднелось отверстие, почти закрытое высохшим бурьяном. Но его было достаточно, чтобы дышать во всю глубину легких. Наверху, очевидно, уже вечерело, потому что кусочек неба, который они видели через отверстие, быстро потемнел, и вскоре на нем заиграла звездочка. Крохотная, едва различимая, но такая прекрасная, что у Бадаева от волнения сжалось горло. Ему показалось, что когда-то, очень давно, он уже испытывал нечто подобное...

Из дневника Владимира Молодцова:

«4 ноября 1930 г. Нынче первый раз поднялся на-гора не только не уставший, но и веселый. По руднику тихо плывет едкий каменноугольный дымок. Сквозь завесу смеются веселые электрические фонарики, а над всем этим тихим и спокойным величественно раскинулась лазурная, прозрачная голубень неба. Месяц, как сторож и распорядитель, воссел на престоле мелких кучевых облаков и наблюдает их мерное, чуть заметное движение. Сердце вот так и рвется куда-то далеко-далеко ввысь, к звездам и месяцу, чтобы вместе с ними увидеть эту грандиозную ширь Союза Советских Республик, охваченных невиданным энтузиазмом борьбы за социализм. Как хорошо чувствовать себя беззаветно преданным революции, видеть себя частичкой великой стройки. Ведь никто же не мобилизовывал нас на ликвидацию прорыва. Мы сами мобилизовались».

Это чувство мобилизованности на великое дело, рожденное тогда, в дни его юности, руководило Бадаевым и сегодня, сейчас, когда ему уже перевалило за тридцать и жизнь подбрасывала ему все новые и новые испытания, словно пробуя его на прочность, как кузнец — клинок, который он кует. И чем жарче огонь в горне, чем тверже рука, держащая молот, тем крепче сталь, тем закаленнее клинок...

* * *

Вернувшись в штаб, Бадаев утомленно опустился на табурет.

— Как самочувствие людей, Константин Николаевич? — спросил он сидевшего неподалеку Зелинского.

— Получше. Глотнули свежего воздуха — и сразу стали оживать.

— Теперь необходимо срочно выходить в эфир. Москва уже заждалась. Позови сюда радистов, — обратился он к дежурному по штабу.

«Вот ведь человек! — с восхищением подумал Зелинский. — И откуда только силы берутся? Отдохнул всего несколько минут и снова за работу...»

— Посмотри, Константин Николаевич, в этом месте мы еще не выходили на поверхность, — Бадаев пометил точкой на карте найденную Клименко старую выработку. — Поэтому на засаду, надо думать, не нарвемся. Ну, что аккумуляторы? Совсем сели? — спросил он у вошедших в штаб Ивана Неизвестного и второго радиста отряда Даниила Шенберга.

— Никак нет, недавно подзаряжали. Правда, отсырели малость... — доложил Неизвестный.

Связь с Москвой была жизненно важной необходимостью для отряда. Но осуществлять ее было чрезвычайно трудно. Большое количество выходов на поверхность было замуровано фашистами, возле еще открытых нахо-

дились засады, в степи постоянно патрулировали конные разъезды. Бадаев прибегал к всевозможным уловкам: вел передачи из глухих оврагов, со дна высохших колодцев...

Ночью, чаще в непогоду, под стылым ветром, от которого не спасала и плащ-палатка — ею накрывали рацию и радиста, у радиистов работали по очереди двое. Каждую минуту на них могли наткнуться фашисты, которые так и шарили по степи. И бадаевцы обязательно выставляли во круг боевое охранение из самых надежных бойцов. Часто случалось, что передачу сведений приходилось обрывать на полуслове. Тогда в Центре прикидывали, почему замолчала бадаевская рация: то ли снова отказала отсыревшая аппаратура, то ли передатчик накрыли враги. Но проходило некоторое время, и снова летели в эфир позывные корреспондента № 12.

На этот раз Бадаев молчал долго. В Центре не на шутку встревожились. Лишь через две недели Москва наконец услышала позывные Бадаева. Григория тут же вызвали в аппаратную.

— У аппарата — Григорий! У аппарата — Григорий! — говорила Москва. — Что у вас нового?

— Были блокированы... Были блокированы... — передавал открытым текстом Бадаев. — Фашисты применили газ, очевидно хлор. Мы поставили непроницаемые перегородки, воздушный поток направили в противоположную сторону. Работами руководил старый шахтер Гаркуша. Опасность пока миновала. Противник продолжает замуровывать входы.

— Мы консультировались с опытными специалистами по камнеработкам, — отвечал Григорий. — Газ можно нагнать только под давлением. Вы поступили правильно, создав сквозняки. Заранее готовьте новые входы для доступа воздуха. В случае необходимости переходите в другой район катакомб...

— Надеюсь, что менять расположение не придется.

— Сообщаю только для вас: параллельный источник передает — против партизан, скрытых в одесских катакомбах, действует десяти тысячное войско¹. Блокировано до четырехсот входов и выходов в катакомбы. Рекомендую на время прекратить связь с подпольем в городе.

— Благодарю за информацию...

Бадаев вылез из-под плащ-палатки, которой укрывали радистов и рацию. Несмотря на все усиливающийся мороз, он был мокрый от напряжения.

— Ну, братцы, теперь домой, в лагерь! — Только сейчас Бадаев заметил, как полинял небосвод — начиналось утро.

Бойцы заспешили. Собрались в несколько минут. Подходя к входу в катакомбы, увидели на горизонте группу всадников.

— Ложись! — скомандовал Бадаев и, плашмя упав на землю, поднял к глазам полевой бинокль. — Нет, кажется, не заметили... Едут стороной в направлении от нас...

Бойцы подождали, пока враги не скрылись за небольшим лесочком, и один за другим юркнули в провал.

К большому удивлению всех возвратившихся, их уже ждал накрытый стол и дымящийся в мисках суп.

— Ух, как пахнет! — потянул носом Бадаев. — У нас сегодня настоящий праздник. Но откуда же мясо? — не сдержал он удивления.

Завхоз отряда Иван Никитович Клименко хитро подмигнул командиру.

— Пока вы ходили на связь, мы тут помудровали и разминировали один лаз, что ведет в Фомину Балку. Ох, и понатыкали там фашисты гостинцев для нас... — покрутил он головой. — Ну, ничего, справились. А потом я проведал одну свою старую знакомую в селе. Ну, и принесли от нее бочонок солонины да два мешка зерна...

---

¹ Позже было установлено, что для блокировки катакомб оккупанты привлекли около 16 тысяч человек. — М. К.

— Ай да завхоз! — засмеялся Бадаев. — Ай да молодец! А я-то думал, что ты после похода едва живой, лежишь себе в уголке...

Клименко улыбнулся:

— Належусь еще, будет час.

— Ну, а что интересного рассказала твоя знакомая? — не удержался от вопроса Бадаев.

Но старик решительно потянул его за рукав к столу.

— Да ты поешь, пока горячее, успею еще рассказать!

— Да-да, ты прав, — согласился командир. Только сейчас на него вдруг нахлынула волна непреодолимой усталости, наконец не выдержал и его железный организм. «Ну вот, теперь можно отдохнуть», — подумал он и принял из рук стряпухи до краев наполненную миску...

* * *

На очередном сеансе связи Иван Неизвестный принял сообщение из Москвы: «Связь с группой Самсона отсутствует. Нарушаются планы дальнейшего развертывания работы в глубоком стратегическом тылу противника. Еще раз попытайтесь установить судьбу Самсона и его людей. Проявите максимум осторожности».

Бадаеву было известно, что фашисты блокировали группу Самсона в катакомбах в Дальнике. Бойцы бадаевского отряда уже пытались отыскать проход в Дальницкие катакомбы под землей, но это им не удалось. Теперь Бадаев решил пробраться туда другим путем. Идти следовало ему самому, так как другому человеку товарищи из отряда Самсона могли не поверить, приняв за провокатора. Бадаева же Самсон — Константин Гласов — знал лично по совместной работе в органах НКВД.

Были и другие причины, требовавшие его присутствия в городе. Бадаева беспокоила непонятная бездеятельность «хозяина» мастерской по ремонту примусов и керосинок Бойко, почти отстранившегося от руководства своим от-

рядом. Командир решил начистоту поговорить с ним, выяснить, почему тот не выполняет прямых его указаний, представляя дело так, что бороться с врагом нет уже никакой возможности. К Бойко Бадаев собирался зайти после встречи с Гласовым.

С большим трудом командир убедил совет отряда разрешить ему выход в город.

Проводником Бадаев собирался взять Гаркушу. Командир души в нем не чаял и всегда радовался его приходу: от старика и его устрашающих размеров самокрутки в прокуренных усах веяло чем-то таким домашним, мирным, что при одной мысли о нем у Бадаева теплело на душе.

Старый горняк явился в штаб отряда под вечер, как всегда проникнув в лагерь одному ему известными ходами. Первым делом он зашел к командиру и подробнейшим образом доложил ему обо всем, что удалось увидеть и услышать в городе. Когда Гаркуша закончил свой рассказ, Бадаев спросил у него:

— Дед Иван, можешь провести меня в Дальницкие катакомбы?.

— Нет! — неожиданно сердито ответил старик. — Все ходы оккупанты бетоном залили, а которые оставили, так газу туда напустили. Так что идти туда — верная гибель.

— Надо же людей выручать...

— Думаешь, мне их не жалко, людей-то? В городе говорят, что и в живых там никого не осталось — позадыхались все начисто! А пробираться туда ежели и можно, так только не тебе, голубчик: командир ты и идти на верную гибель не имеешь права! — старик зашелся долгим кашлем от досады на такого непонятливого человека.

— Значит, есть туда проход, — обрадовался Бадаев. — Отдохни, дед, и перед рассветом отправимся в дорогу. Как там наверху?

— Метет, сто чортив ему в печенку! — как-то сразу обмяк дед Иван, поняв, что отговорить командира от задуманного ему не удастся.

— Вот и ладно! Легче будет проскользнуть незамеченными. Тамара-маленькая! — крикнул он куда-то в темноту катакомб. — Собирайся, завтра пойдем в город..

Отдав необходимые распоряжения своему заместителю Васину, Бадаев зашел в свой закуток и лег, решив основательно отдохнуть перед дальней дорогой.

Приснилась ему голая и дымная от снежной пороши степь. Он идет по ней, пригибаясь от тяжести, навалившейся на плечи. Это тьма давит, наваливаясь своим бурым брюхом, хлещет его жгутами скрученного ветром снега, пытается сбить с ног, раздавить, распластать. Но он идет все дальше, хотя нет уже сил, немеют ноги. Наконец он падает в изнеможении и с ужасом слышит, как хохочет и беснуется над ним тьма, торжествуя победу. Но нет, он еще не побежден! Он жив и, значит, способен бороться. Со стоном он поднимается на ноги и видит перед собой уже не голую степь, а длинный залитый серым бетоном коридор, упирающийся в тупик. Он доходит до глухой стены, трогает ее руками и, обернувшись, снова видит перед собой ту же стену. От страшной мысли, что он — в ловушке, Бадаев просыпается и понимает, что это всего лишь кошмар, сон... Заставив себя расслабиться, он снова засыпает.

Из дневника Владимира Молодцова:

«8 ноября. Великие дни праздника Октябрьской революции. Вчера и сегодня происходят субботники. Вчера принимал активное участие в погрузке угля для Каширы...

15 ноября. Несколько минут тому назад приходил представитель «Комсомольской правды», и мы читали «Комсомольскую правду» от 13 ноября, статью «Разрешите уехать». Мобилизованный на прорыв в Донбасс просится, чтобы ЦК его отпустил, решил уехать обратно домой. Он, проработавший семь упряжек, уже бежит от трудностей, преступно врет и искажает настоящее

положение дел. Он не может носить звание комсомольца. Таких надо заставить работать, чтобы смыть с себя грязное пятно.

К шахте привык и сроднился с ней, прежде угрюмой, пугающей и гнетущей. В ней как дома. А насчет трудностей — что ж, ведь и на земле, на поверхности, работа литейщика, прокатчика не легче. Всякое дело трудно без привычки. Но ведь привыкнуть надо. А раз надо — так привыкнем и ликвидируем прорыв.

Улица шамкает грязью. Дорог не разберешь. Хищно цапают и сосут подошвы. Растут, растут болота, и блестят они во мраке ночи. А дождик все льет.

23 ноября 1930 г. Нынче были перевыборы бюро ячейки нашей шахты № 7, оргвыборы и информация о состоянии ячейки... Я выступил в прениях. Говорил о коммуне, о том, что бюро ячейки не руководило коммуной, председатель подменял собой всю комму-ну... При выборах в новый состав бюро мне давали громкие характеристики и в некотором отношении переоценивали.

Я и Миша вошли в бюро. Я — членом, он — кандидатом...

Надо трудности преодолевать. Сильно тянет в забой. Забойщик — моя мечта. Энтузиазм помог бы мне это выполнить. Необходимые знания — маленькие — у меня, я нахожу, есть.

Прибывшие на рудник комсомольцы приступили к работе.

24 ноября 1930 г. Вчера вечером встал вопрос о прекращении матерщины. Каша заварилась большая. Все приняли решение не ругаться. Но все же есть ребята, которые его не выполняют. Это Зайцев и Борков. Я не хочу сказать, что все остальные совершенно перестали ругаться. Но матерщина сократилась.

В столовой нынче беседовал с хорошенькой дивчиной. Веселой, живой...

26 ноября. Хотя сегодня порожняка, можно сказать, было порядочно, все же программу выполнили меньше чем на 50 процентов...

Вчера было распределение обязанностей в бюро ячейки. Я член бюро, зав. сектором культуры и быта. Новая работа, но интересная. Сегодня председатель оргбюро парткомитета высказал недовольство, что секретарем ячейки не я.

28 ноября. Сегодня отгульный день. Но в согласии с постановлением общего комсомольского собрания — до ликвидации прорыва работать без выходных дней — я отработал субботник. Среди нас были беспартийные, мы вшестером погрузили Кашире 20 тонн угля подарком. На субботнике устал больше, чем на работе, и под конец с нетерпением ждал конца погрузки.

На себе испытываю противоречие. Воля говорит: ты перенесешь все трудности, не станешь дезертиром, выполнишь с честью

все, что требует страна, а сердце тянет, проклятое, домой, в семью к родным и близким, в семью к товарищам, друзьям. Но воля у комсомольца всегда берет верх. А трепет сердца пусть подчиняется твердой воле.

29 ноября 1930 г. Самое высокое чувство, которое я мог испытывать за свою короткую жизнь,— это чувство сознания того, что **я являюсь частицей горняцкого коллектива. Какое великое дело не замечать, не считать часы рабочего времени, не ждать конца смены, а стремиться его продлить, бегом бежать за вагонеткой, обливаясь потом и выходить после смены победителем в выполнении плана! Как радостно видеть себя впереди других! Так мы выполним и перевыполним план пятилетки в три года. Это сделаем обязательно, безоговорочно, без плаксивых рож, большевистскими темпами...**

Теперь работаем в комсомольской коммуне. Даем самые высокие показатели. Работаем в четвертую смену. Уже 3 часа утра. Ведем, лежа в постелях, разговоры. Как хорошо после работы по-дружески поговорить, вспомнить «дела давно минувших дней».

1 декабря. На дворе опять морозец заковал размякшую землю и порошей прикрыл бугорки грязи. Чистый воздух, прозрачное звездное небо бодрят и освежают. Усталость, как мотылек, улетаёт вдаль, в прошлое, и вновь возвращается только через сутки.

В столовой нас ежедневно встречают чай, печенье и бутерброды. Веселой семьей врываемся в дверь. Веселой жизнью, живой, подлинно бодрой и радостной, веет от молодой силы, от молодых безусых шахтеров.

Сейчас все спят, и свист, и глубокие вздохи летят. Нашему барaku сладко спится после упорного труда, борьбы за уголь. **Славные ребята! Они действительно имеют право на спокойный и сладкий сон. Им слава и честь. Как хорошо жить борясь и борясь жить!»**

...Бадаев улыбается во сне. Что ему видится? Его родная шахта, те трудности, с которыми он тогда столкнулся и которые по сравнению с настоящими кажутся ему теперь такими легкими? Возможно, именно от ощущения счастья быть молодым, сильным, не отступающим перед любыми невзгодами и гуляет сейчас по его лицу эта радостная улыбка...

— Пора! — трогает его за плечо Гаркуша.

— Да-да! Иду...— вскакивает Бадаев, чувствуя, как тело снова налилось силой и жаждой деятельности.

...Бадаев и Гаркуша вышли из лагеря вместе с Межигурской. Когда отмерили километров шесть, Гаркуша остановился и сказал, что здесь он мог бы вывести Тамару на поверхность. Бадаев попрощался со своей связной, договорившись встретиться на квартире у Бойко.

Гаркуша проводил Межигурскую, и они отправились дальше. Пробирались где ползком, где на четвереньках. Иногда застревали, и дед подолгу разбирал старые маркшейдерские знаки на стенах, понятные лишь ему одному. Наконец, устало опустившись прямо на землю, он сказал:

— Скоро ужо выйдем наверх... Должно быть еще темно, проскочим...

Бадаев поднес к глазам руку с часами. Был седьмой час утра. Вот-вот замаячит день, и тогда им придется пережидать под землей. Бадаев хотел было поторопить старика, но раздумал. Ведь ему уже шел семьдесят третий год — удивительно, что он еще держался после такого тяжелого пути. Гаркуша, понимая, что промедление для них подобно смерти, с трудом поднялся на натруженные ноги.

— Знаю, знаю, что не до отдыха...— проворчал он под нос и пошел дальше, погасив лампу и попросив Бадаева держаться за его плечо.

Ход сузился до небольшой щели, в которой можно было лишь лежать, прижавшись плотно к земле. Этот лаз выводил на дно овражка, почти доверху занесенного прелым листом и снегом. Выбравшись на поверхность, они тут же бросились ничком в глубокий снег: на края овражка легло слепящее лезвие прожектора. Дождавшись, когда прожектор погаснет, они поползли.

В эти дни в связи с подготовкой новых карательных операций фашисты перебросили часть вооруженных сил из Дальника в Нерубайское и Усатово, оставив только пат-

рули у входов в катакомбы. Поэтому Бадаеву и Гаркуше удалось незамеченными проникнуть туда через неизвестный оккупантам вход.

Прошагав еще несколько километров под землей, они по сравнительно просторному штреку подошли к нише, прорубленной в толще камня.

— Ось и пришли! — с облегчением вздохнул Гаркуша, а Бадаев удивился: дальше пути он не видел. Старик объяснил: — Эту стеночку только тронь, и она завалится, открыв ход в другую штольню.

Бадаев сильно надавил плечом на перегородку. Она треснула и обвалилась. Расширив проход, они осторожно пролезли в соседнюю шахту.

Пройдя несколько сот метров вглубь, старик заволновался: штольня казалась совершенно необитаемой.

— Может, не в ту сторону идем? — спросил настороженный Бадаев.

— Идем правильно, — уверенно начал Гаркуша, — а вот людей не видно, — упавшим голосом закончил он. — Може, покричать?

— Ша, не надо кричать, — вдруг послышалось за их спинами.

Бадаев и Гаркуша резко обернулись и направили свет лампы на говорившего. Перед ними стоял невысокого роста, щупленький юноша с автоматом наперевес.

— Руки вверх и за голову! — скомандовал он коротко.

А сзади их уже обыскивали, выворачивая карманы и забирая оружие.

— Вот это маскировочка! — восхищенно покрутил головой Гаркуша. — И как это я, старый пень, ничего не заметил?

— А мы за вами идем почти от самого пролома, — охотно пояснил юноша. — Хотелось узнать, что за гости такие неожиданные прибыли...

— Товарищ, — обратился к нему Бадаев, — отведите

нас к вашему командиру, и там вы все узнаете и о нас, и о цели нашего прихода.

— Так-таки прямо к командиру? — насмешливо спросил юноша, очевидно старший среди окруживших их бойцов.

— Если не можете это сделать, тогда назовите ему мою фамилию и имя. Я — Павел Бадаев. Ваш командир знает меня лично.

Миновав несколько постов, они пришли в небольшое помещение, где, кроме длинного каменного стола и нескольких скамей, тоже вытесанных из камня, ничего больше не было. Возле входа встал часовой. А их худенький конвоир куда-то исчез.

С первых же минут пребывания в Дальницких катакомбах Бадаев убедился в том, что слухи о тяжелом положении отряда Гласова не были преувеличенными. Воздух в лагере был еще хуже того, каким дышали его люди во время ноябрьской осады, с явной примесью хлорного газа. Очевидно, партизанам не удалось полностью перекрыть вентиляционные штреки, по которым газ поступал в катакомбы. Лица бойцов, которые Бадаев успел разглядеть, были такими изможденными, что красноречивее всяких слов говорили о давнем голоде.

Через несколько минут в помещение вбежал нескладный, долговязый человек. Он бросился к Бадаеву и сильно сжал его в объятиях.

И не только у двух командиров — у всех в этот момент на глаза навернулись слезы, которых никто не стыдился.

Бадаев с Константином Гласовым долго совещались. Решили вывести людей группами.

— Боеприпасов у нас много, а взять их с собой не сможем: людей мало, да и сил-то у них... — с горечью говорил Гласов.

— Хорошенько все спрячьте, — советовал Бадаев. — Как только фашисты поймут, что вас уже нет в Дальнике,

они, может быть, снимут блокаду. Тогда мы и заберем боеприпасы.

Бадаев начал собираться.

— Куда ты? — удивился Константин. — А отдохнуть?

— Некогда, надо идти. Гаркушу вам оставлять или без него обойдетесь?

— Да как же они без меня-то! — словно из-под земли по своему обыкновению вырос дед Иван. — Они там еще ни разу не были — не найдут.

— Неужели командира отпустишь одного? — удивился Гласов.

— Он вам тут нужнее! — Бадаев сильно дернул Костю за рукав, но было уже поздно: дед Иван серьезно задумался, идти ему с командиром или остаться в группе, чтобы потом выводить людей.

— Эх, ты, — сердито шепнул на ухо Гласову Бадаев, — ведь старик так устал, что еле на ногах держится, — и громко сказал: — Приказываю тебе, дед, как командир оставаться здесь — нельзя бросать людей на произвол судьбы, разве они смогут выйти без такого опытного проводника, как ты?

Бадаев с удовлетворением увидел, как просиял старик — его радовало, что он так необходим людям.

Обратный путь показался Бадаеву еще длиннее и утомительнее. Он с большим трудом добрался до выхода и, осторожно выглянув наружу, удивленно отметил, что в степи снова сумерки — теперь уже вечерние. «Не успеть до комендантского часа, не успеть...» — с тревогой подумал он.

— Успею! — зло сказал сам себе, рывком поднялся и зашагал...

* * *

Тем временем Тамара Межигурская успела сделать немало. Придя в город, потолкалась на базаре (именно там очень часто из разговоров одесситов, румынских солдат,

всевозможных темных личностей, наводнивших после оккупации город, можно было узнать много интересного и полезного для отряда), по заданию командира побывала у подпольщика, у которого хранилась взрывчатка, а уже после этого направилась в мастерскую к Бойко, держа в руках старенький примус.

Короткий зимний день близился к вечеру. Сумерки, словно настаиваясь, быстро густели. К мастерской Тамара подошла почти затемно. Она так намерзлась и устала, что, как ребенок, радовалась теплу и отдыху, которые ждали ее.

— Уже закрываем, тетка, имей совесть, куда лезешь? — встретил ее молодой и звонкий голос.

— Ой, голубчику! — запричитала нарочито громко Тамара. — Так не горит же, окаянный, не на чем и кипяточку согреть. Есть у вас новая горелка? — сказала она уже тихо первую часть царя.

— Свою надо иметь! — в тон ей ответил Яша и быстро запер двери мастерской на замок, чтоб ненароком не зашел еще кто-нибудь.

— Ой, наконец-то добралась! — Прижавшись щекой к еще теплой печке, Тамара чуть не расплакалась.

А Яков уже звал остальных обитателей мастерской:

— Алеша, Петр Иванович, встречайте дорогую гостью!

В мастерскую вошли старший брат Яши и руководитель верхового отряда, он же «хозяин» мастерской, Петр Иванович Бойко, которого Тамара-маленькая почему-то очень недолюбливала. Он был слишком суетлив и в то же время вял, инертен. Не чувствовалось в нем внутренней твердости, уверенности в себе.

— Вы одна? — вместо приветствия спросил связную Старик (подпольная кличка Бойко).

— Пока одна, — сухо ответила Тамара. — Но скоро должен быть командир. Он просил вас никуда не отлучаться, у него к вам дело.

— Ах, вот как! — забеспокоился Старик. — Командир придет — надо его достойно встретить. Небось продрог в дороге-то, устал... Жена, — крикнул он в другую комнату, — приготовь что-нибудь поесть!

В дверях соседней комнаты замелькала фигура молодой женщины. Она вызывала мало симпатий у партизан: в ее поведении чувствовалась какая-то наигранность.

Межигурская уже немного отогрелась, на ее осунувшемся лице жарко загорелись щеки, заблестели глаза. Она весело поглядывала на ловкого, подвижного Яшу, на степенного и не по возрасту рассудительного Алешу. А ребята торопились рассказать ей о последних новостях.

— А в порту что недавно было! Сам видел! — увлеченно рассказывал Яша. — Грузовоз с зерном только за волно-рез, вдруг ка-ак громыхнет — аж набережная заколыхалась... После этого в городе была такая облава... Еле сам ноги с привокзальной площади унес...

— А чего ты крутился на площади? — сурово спросил вдруг Алеша. — Сказано же тебе было, что наблюдение за вокзалом теперь поручается другому — из моей пятерки. Ведь тебя там чуть ли не каждый полицей знает...

— Вот-вот! Нам только этого не хватало, — заворчал Бойко. — Не сносить тебе, Яшка, головы. Горяч больно.

Ох, и осточертели Якову нравоучения чересчур осторожного «хозяина» мастерской! Он хотел было сказать ему что-то резкое, но Тамара строго взглянула на него, и он сдержался. В глубине души Яков понимал, что на этот раз он неправ: допустил оплошность.

Раньше он в конспиративных целях работал чистильщиком обуви на площади у вокзала, а на самом деле собирал информацию о пришедших в Одессу военных составах, о количестве вооружения и численности войск, о дальнейшем их продвижении на фронт и о других, не менее важных событиях в жизни города. На вокзале, как и на

базаре, многое можно было увидеть и узнать. Но после того как Яша по приказу командира выследил и уничтожил провокатора Садового, ему посоветовали не появляться на привокзальной площади.

— А вы знаете, ребята,— вспомнила вдруг Тамара,— в одном из отдаленных штреков мы нашли остатки подпольной типографии. Даже немного шрифта сохранилось. Нам бы еще тискальный станочек достать где-нибудь! — мечтательно добавила она.— Какие бы мы листовки тогда печатали — что тебе в городской типографии!

— Интересно, какими были те люди, которые пользовались этим шрифтом? — задумчиво произнес Яшунька.

— Революционеры они были. Нам до них — как до неба... — с сожалением сказал Алеша.

Тамара внимательно посмотрела на притихших ребят. Ну как им сказать, что именно они и их друзья — прямые наследники героев революции и что дело, которое им поручено, по своей значимости, быть может, ничуть не меньше, чем то, которое выполняли безымянные герои тех лет... И хотя Алексей и Яша, в сущности, еще дети, они тоже настоящие герои.

— Вот что,— сказала она вслух.— То, что делаете вы, очень важно и необходимо нашему народу, Родине. Трудно было народу взять власть в свои руки, доказать, что только партия коммунистов способна привести к подлинной свободе и счастью не избранных, а все общество в целом. Сейчас, в этой войне, наша общая задача — отстоять все, что завоевано революцией, сохранить и приумножить сделанное отцами и дедами. И вы — ты, Алеша, и ты, Яшунька,— должны гордиться тем, что стали участниками битвы за будущее нашей страны, за счастье всех советских людей.

Яша восхищенно смотрел на Тамару. Он испытывал перед этой улыбчивой и милой женщиной невольное благоговение. Яша знал ее еще до войны, знал, что она работает

в НКВД. И это окружало Тамару в Яшинных глазах ореолом таинственности, героизма. Когда он узнал, что Тамара будет работать вместе с Бадаевым, он не то чтобы обрадовался, нет. Это чувство было значительно глубже. Он как-то сразу понял, что его как взрослого допускают к делу, которым занимаются такие люди, как чекисты Бадаев и Межигурская.

— Где же командир? — забеспокоился вдруг Алеша. — Ведь комендантский час на носу!

— Придет, придет! — успокаивала братьев Тамара, а сама в тревоге подошла к двери и прислушалась: — Нет, ничего не слышно, только ветер опять завыл...

Бойко ушел в соседнюю комнату. Он никогда не участвовал в беседах подпольщиков в редкие минуты отдыха, выпадавшие на их долю. Эти минуты общения спланивали товарищей по борьбе больше, чем многолетнее пребывание рядом в мирное время. И когда приходилось расставаться, каждый уносил с собой в сердце частицу тепла, подаренного другом. Тепла, которое согревало в стужу, хранило в бою, помогало держаться до конца в фашистских застенках. Нет, не дано было Бойко насладиться этим теплом, не дано было ему познать чувство товарищества, во имя которого друг умирал, спасая друга, чувство любви к Родине, за которую советские люди готовы были отдать свою кровь до последней капли. Слишком мелкой была его изворотливая душонка, слишком беден он был сердцем.

Провокатор Садовой успел сделать свое черное дело. Гестапо и сигуранце стали известны назначение мастерской по ремонту примусов и керосинок и двойная жизнь ее обитателей. Однако оккупанты не стали сразу арестовывать «хозяина» и его помощников. Им хотелось поймать в сети как можно больше подпольщиков.

Однажды, когда Бойко спешил попасть до комендантского часа к себе на квартиру, к нему на темной улице

подошел невысокий, щуплый человечек и, коверкая русские слова, сказал, крепко взяв за руку повыше локтя:

— Вы Бойко?

— Д-да! — сразу испугался Петр Иванович.

— Прошу следовайте в сигуранца.

Бойко поплелся за незнакомцем, ничего хорошего для себя не ожидая.

И он оказался прав.

— Следователь по особо важным делам Курерару! — холодно отрекомендовался ему человек в форме румынских оккупационных войск.

Смысл слов, тон, каким они были сказаны, вид человека, произнесшего их, даже сам факт пребывания в сигуранце — все это привело Бойко в такой ужас, что он невольно опустился на стул напротив стола следователя.

— Встать! — заорал на него Курерару.— Объясни ему,— позвал он кого-то за спиной Бойко, как надо себя вести в этом доме...

Бойко услышал за собой тяжелые шаги и обернулся. Прямо на него шел гориллоподобный солдат. На его уродливом лице блуждала садистская ухмылка. Солдат ударил Бойко по голове. Сознание покинуло Петра Ивановича. А очнувшись, он стал предателем.

Бойко рассказал обо всем и обо всех даже без дополнительного нажима следователя. Так была решена судьба Бадаева и его товарищей по борьбе... Входя в двери мастерской, Бадаев, конечно, не знал об этом, как и не знал того, что отсюда ему уже не уйти свободным.

Межигурская и молодые разведчики так и не дождались своего командира — ушли отдыхать, подчинившись настойчивым уговорам Бойко. Бадаева встретил хозяин квартиры.

— Ох и намерзся я! — пожаловался Бадаев, грея руки у печки.— Чаем угостите, Петр Иванович?

— Как же, как же, дорогого гостя...— зачастил Бой-

ко.— И не только чайком побалуем, а и накормим, и в теплую кровать спать уложим...

— Ох и мягко стелете, Петр Иванович. Как бы жестко спать не пришлось,— посуровел Бадаев.— Мне с вами потолковать нужно.

Разговор получился короткий, но серьезный. Павел прямо сказал, что Бойко уклоняется от решительных действий и что это нельзя расценивать иначе как трусость.

— Вы же коммунист, Бойко, старший лейтенант Красной Армии! Чем вы можете оправдать свое поведение? — глядя в упор на него, спрашивал Бадаев.— Будете и дальше так «работать», пойдете под партизанский суд...

Потом Бадаев пошел в соседнюю комнату, где спали Тамара и ребята. Яша сладко посапывал во сне, а Тамара улыбалась чему-то. Бадаев прилег и тоже задремал.

Из дневника Владимира Молодцова:

«3 декабря 1930 г. Клеть опять подводит. Опять не хватает порожняка, опять смены простаивают. Мы сегодня дали 25 вагонов. Несмотря ни на что норму превысили.

5 декабря. Я член пятерки оперативной группы по механизации рудника. Приступаем к проверке выполнения постановления МК ВКП(б). Сегодняшнее собрание коммуны постановило перевести лучших комсомольцев из членов коммуны в партию. Кого найдут подходящим и самым достойным?

12 декабря. Наша шахта № 7 впереди всех.

21 декабря. Сегодняшний день увенчался невиданным успехом для меня. Вывез из забоя 24 вагона, т. е. дал 12 тонн угля!..

Нашел в «Комсомольской правде» свою заметку, озаглавленную «Душит рабочую инициативу» и другую — о кадрах. Наконец-то увидел свою фамилию в газете под ответственной статьей.

23 декабря. Вчера ходили обследовать Углеснаб, другая часть бригады обследовала склад Углеснаба. Выявлены безобразия. Послали заметку в «Ударник», орган Узловского райкома.

Вчера работал в «24/19», дал 21 вагон. Принимая во внимание, что днем раньше дал 24 вагона, то ясным станет, что очень устал...

Очень хочется в забойщики. Что будет дальше — видно будет.

28 декабря, Сегодня, наконец, купил шерстяной материи и бумажной. Завтра надо будет отослать посылку домой. Вечер солн-

цем покрыт, оранжевым цветом. По небу трепетные облака желто-верхие плывут. Небо светло-голубое. Замерли снежные долины с синеющим лесом вдали. Деревья разряжены и смотрят, запрокинув шапки, в светлую гладь неба. Так девушка глядит в глаза любимому юноше. Морозный день, а краски, тени ласковые и теплые.

Парень, приехавший на днях из деревни, откуда и Никишин, рассказывал, что сортировки, веялки и молотилки портятся в деревне очень здорово. Инвентарь принадлежит Комитету крестьянской помощи. Бедняки относятся к машинам хорошо, а вот зажиточные портят. Мы с Никишиным вывели, что они подрывщики. Он заявил, что как только приедет в деревню, так возьмется за зажиточных — подрывщиков. Пусть за их счет исправят инвентарь.

Теперь, когда классовая борьба разрешается уничтожением кулака как класса, когда остатки капитализма выкорчевываются со всей решительностью, интересно жить в деревне. Там опасно и там — такой непочатый край работы.

31 декабря. Сейчас пишу на собрании всей коммуны. Информацию о Дне ударника делает Чубайкин. Берет слово Френкель. Затем намечаются кандидатуры к премированию: Булимов, Никишин, Стоянович, Кулешов, Нечаев, Молодцов.

...Сейчас идем в клуб на вечер ударника. Торжественная часть окончена. Из намеченных премированы Кулешов и Нечаев. Кулешову — ботинки, Нечаеву — брюки.

Ровно 12 часов. Вошли в Новый год — 3-й год пятилетки. Выполним угольную пятилетку в 3 года. Поздравляю тебя, Володька, с новым социалистическим, решающим годом.

7 января 1931 года. Выступали в клубе. Вечер очень удачный и бодрый. Подняли настроение и бодрый дух пробудили. Решили: если будет отпуск, провести в деревне Маркелово. Поеду в деревню, чтобы проверить себя на деревенской работе. Прочел «На глухарей» Куприна, очень понравилось. Просто упоен этим эскизом...»

Как светло мечтали эти люди, как страстно хотели они жить — нет, не для себя — для других. И как страшно оборвался их сон, не оставляющим никакой надежды стуком в двери:

— Откройте, полиция!

— Сию минуту, сейчас... — Бойко трясущимися руками пытался открыть замок.

Наконец дверь, словно от пинка ногой, отлетела к стене, и в мастерскую ворвалось несколько полицаев во главе с уже знакомым «хозяину» следователем Курерару.

Борьба продолжается

Ну вот и все, скажет иной читатель. Дальше — тюрьма, страдания, смерть. Такое яркое, но короткое время борьбы Молодцова — Бадаева и его отряда с фашистами. Это время по своей значимости, ценности несоизмеримо с ценностью самой жизни человеческой — единственной во все века и неповторимой.

Но нет, не согласимся мы с этим досужим читателем, потому что знаем иную систему ценностей, когда день, час, миг жизни таких людей, как Бадаев и его боевые товарищи, стоит порой всей жизни других людей. А бывает еще и такая жизнь, что лучше бы ее вовсе не было, — пустой и никому не нужной.

Мы ведем рассказ о людях, считанные месяцы жизни которых стали подвигом. Их повседневная работа в тылу врага (потому что борьбу свою они называли будничным словом «работа»), их мечты и надежды, улыбки и слезы — словом все, что наполняло их мысли и сердца, можно объединить одним емким и гордым словом «ПОДВИГ». И для нас, людей последней четверти XX века, важен каждый миг, ставший слагаемым подвига, каждый час, прожитый этими людьми в борьбе за наше будущее.

Ночь спустилась на многострадальный город. Прикрыла его руины, лунным светом высеребрила проходы между рухнувшими стенами, залила чернотой провалы — словом, постаралась как могла. Но ничто не могло украсить этот город. Ничем нельзя было успокоить сердца его жи-

телей, особенно тех, кто насильно был собран под своды городской тюрьмы. И сейчас, когда город спал, вздрагивая и постанывая в беспокойстве, в тюрьме шли допросы, людей пытали, истязали. И нет-нет да и нарушит чуткую тишину яростный крик боли и ненависти. А то вдруг раздается выстрел. Это подпольщики и партизаны не дремлют. Это их карающая пуля разит оккупантов...

Бадаев открывает глаза. В квадратиках решетки вырисовывается далекое небо. Он с трудом расклеивает запекшиеся губы, сплевывает тягучую, вязкую слюну.

Сколько дней он здесь? Три? Шесть? Восемь? Не вспомнить... Все смешалось в страшном калейдоскопе событий. Пережитое, словно выхваченное из ночи ярким лучом прожектора, вспыхивает на мгновение в памяти.

Узкая, длинная камера для допросов и пыток. Палки, плети, раскаленные щипцы. Свиные лица палачей — двух верзил в клеенчатых фартуках — и спокойное лицо следователя. Он спешит. Не дает передышки Бадаеву. Допрос за допросом. Сознание все реже возвращается к нему. Тело становится каким-то невесомым, безразличным к боли. Совсем ослабели ноги. Но, сбитый на пол, он каждый раз нечеловеческим напряжением воли поднимается сам. Это еще больше злит его палачей. В конце концов подручные следователя крепко связывают ему руки веревкой, пропущенной сквозь большое кольцо в стене, и при помощи блока поднимают его к потолку камеры. Ударов металлическими прутьями по пяткам Бадаев уже не чувствует — сознание покидает его...

Небо между решетками светлеет. Сейчас снова придут за ним. Клацнет «глазок», надзиратель доложит, что «русский пришел в себя», заскрипит засов, и палачи, подхватив измученное тело, поволокут Бадаева на допрос...

«Глазок» открывается, но за ним не приходят. Что это? Забыли? Или думают, что он еще не пришел в себя? Так смотрите! Бадаев подползает к стене и, собрав последние

силы, упираясь в нее головой и плечами (руки бессильно висят), садится.

Надзиратель поражен: ведь этого русского недавно бросили в камеру безжизненным трупом. И вот, пожалуйста, он уже сидит. После таких пыток!

«Глазок» закрывается. В камере тишина. Так, значит, дали передышку. Наверное, готовят что-нибудь новое. Но об этом сейчас не надо думать.

Тяжелые, распухшие веки опускаются. Кажется, миллионы иголок впились в кожу — так нестерпимо болит все тело. Голова бессильно откидывается на плечо.

Забыть, сон? Нет, Бадаев думает. Для этого, возможно, больше не останется времени. А он должен вспомнить все... Понять, как это случилось...

Болит душа за арестованных товарищей, о которых ему пока ничего неизвестно. А главное, он до сих пор не знает имени предателя. Ведь что, как не предательство, привело их всех в фашистский застенок?

Вместе с Бадаевым взяли тогда на квартире у Бойко Тамару Межигурскую, Яшу и Алексея Гордиенко, Сашу Чикова, самого «хозяина» с женой. А кто еще попал в западню? Что знают фашисты?

У Бадаева в момент ареста были документы на имя Сергея Ивановича Носова. Но фашисты уже знают, что он Бадаев, тот самый Бадаев, который стал для врагов чуть ли не символом непокоренной Одессы, неуловимым и беспощадным. Схваченных сигуранцей или гестапо бойцов невидимого фронта фашисты вешали, расстреливали, прикрепляя на груди табличку с неизменной надписью: «Я партизан Бадаева».

...Кто же их предал? Кто мог сообщить в сигуранцу, что он командир партизанского отряда?

В памяти у Бадаева в деталях запечатлелся его арест. Фашисты ворвались в дом — не два-три человека, как это бывало при простой проверке документов, а человек де-

сать. И каждого из находившихся в комнате взяли под прицел. Бадаев был взят на мушку сразу тремя автоматчиками. Потребовали предъявить документы. На паспорт едва взглянули и тут же отдали назад, для виду занявшись Гордиенко: заковали Яшуню в наручники, предъявив ему обвинение в убийстве Садового (уже знали об этом!). Остальным же было сказано: «Пройдете в сигуранцу для оформления протокола ареста и проверки документов».

У Бадаева билась в голове одна мысль — бежать, при любом удобном случае бежать! И он спокойно ждал, когда этот случай ему представится, мгновенно оценивая обстановку, которая постоянно менялась вокруг него. В том, что бежать необходимо, он убедился сразу, потому что никакой камуфляж не мог обмануть опытного чекиста. В ту минуту, когда фашисты вломились в мастерскую, Бадаев стоял неподалеку от окна, выходящего в проходной двор. Сначала командир решил бежать, когда арестованных будут выводить из помещения и в дверях образуется небольшая сутолока. Надо только подольше задержаться в комнате. Но возможность побега сразу же отпала, потому что именно ему пришлось выходить первому: офицер, руководивший налетом, за рукав подвел его к двери. «Что ж, еще не все потеряно, — подумал Бадаев, выходя из дома, — стоит только чуть ускорить шаги — и угол дома сразу же, почти рядом». Но и эта надежда отпала: на улице он увидел плотное оцепление и тогда окончательно понял, что это — мнимая проверка документов и что для него пути к свободе уже не будет: из машины, конвоируемой добрым десятком мотоциклистов, а тем более из тюрьмы ему вряд ли убежать.

Предательство. В их ряды затесался предатель. Кто же он? Эта мысль терзала Бадаева больше всего. Он должен был, обязан был распознать его, на то он и командир. Значит, враг оказался хитрее?

Спокойно, не время сейчас предаваться отчаянию...

Сейчас, как никогда, нужна светлая голова и трезвая оценка обстановки. Что же врагу известно о нем и его отряде? Практически очень мало. Бадаев понял это из вопросов, которые задавали ему. Допрашивали его поочередно лока- тинент Аргир и майор Курерару с помощью своих подруч- ных. Оба бывшие белогвардейцы, ныне сотрудники враже- ской разведки.

— Фамилия, имя? — бросил ему Курерару, когда Бада- ев впервые вошел в его кабинет — унылую небольшую комнату с письменным столом и двумя жесткими стулья- ми по обе стороны. В углу, сразу возле двери, стоял еще один стул, на котором кучей были навалены какие-то ме- таллические предметы вроде щипцов, палок, молотков. Впоследствии Бадаеву довелось познакомиться с каждым из орудий пыток в отдельности, а иногда и с несколькими зараз. Больше в этой комнате не было ничего.

Сначала Курерару вел допрос через переводчика: хотел повнимательнее присмотреться к этому легендарному Ба- даеву, последить за его реакцией, за тем, как тот обдумы- вает свои ответы, как держится. Курерару сразу же понял, что на сей раз ему попался твердый орешек. Следовательно был не глуп и упрям, и поэтому решил во что бы то ни стало этот орешек раскусить. Уже на первом допросе он отказался от услуг переводчика. Ион Курерару, он же Иван Кунин, совершенно в нем не нуждался.

— Фамилия, имя? — начал допрос Курерару.

— Вы их знаете. Вон мой паспорт лежит перед ваши- ми глазами, — спокойно ответил Бадаев.

— Но этот паспорт — фальшивый. Вы Бадаев! — сразу решил огоршить его майор.

«Значит, все-таки знают», — подумал Бадаев. И снова возник мучительный вопрос: «Кто же предал?»

— То, что я Бадаев, вам еще придется доказать, — спо- койно сказал Бадаев. Он надеялся, что майор проведет оч- ную ставку, и тогда сразу же станет ясно, кто предатель.

Но Курерару не спешил. Он понял, чего добивается Бадаев.

— А я и не собираюсь вам это доказывать! — рассмеялся майор. — Достаточно того, что я это знаю наверняка.

— Ваше дело, знайте себе... — Павел равнодушно повел плечами.

— Да, но мы знаем не только ваше имя, но и достаточно осведомлены о ваших делах, товарищ командир партизанского отряда. Таких делишек, что даже небольшой их части хватит, чтобы отправить вас на тот свет.

— Отправляйте, — усмехнулся Бадаев.

— А мы не торопимся, — с издевкой продолжал Курерару. — Вы нам должны еще кое-что рассказать. Например, о численности вашего соединения, его вооружении, месте обитания... Да, еще не забудьте связи с городом. Они же у вас должны быть, не правда ли?..

— Напрасно стараетесь, господин следователь. Я вам ничего не скажу, — Бадаев встал, словно давая этим понять, что разговор закончен.

Курерару, прищутив глаза, процедил сквозь зубы, с ненавистью глядя на советского чекиста:

— Скажешь, сволочь, все скажешь. У меня даже камни говорят все, что я хочу. А ты не камень, ты всего-навсего слабый человек...

— Вот именно, — прервал его Бадаев. — Я не камень, я человек. И потому буду молчать...

На первом допросе его не пытали. Отправили в камеру «подумать». Но потом начался ад.

Вскоре тело Бадаева превратилось в сплошную рану. Однажды его били всю ночь, отливая водой, когда он терял сознание.

Бадаев молчал.

Хуже всего было то, что командир сидел в одиночке. После самых страшных истязаний некому было даже поднести к его губам кружку воды. Испытывая тяжелейшие

физические страдания, Бадаев держался нечеловеческим усилием воли. Однажды его приволокли в камеру полумертвого. Через несколько часов надзиратель заглянул через смотровой «глазок» в камеру и с ужасом отпрянул: Бадаев лежал на полу и улыбался. Чему? Что могло радовать полумертвого человека?..

Он думал. Он вспоминал о днях борьбы с врагом и о том счастье, какое выпало на его долю,— служить Отчизне, быть до конца дней своих верным ее сыном. Что видел он в жизни, что испытал? Да все, чем богата человеческая жизнь. Он любил и был любимым, растил детей и работал, работал во всю душевную силу, на которую был способен.

Из дневника Владимира Молодцова:

«17 января. На шахте № 10 — атака. В нарядной одиннадцатой плакаты зовут к наступлению на уголь, в бой за промфинплан. При нарядной работает передвижка библиотеки. Теперь это надо закрепить навсегда.

Получил от мамы письмо, оно мне очень дорого. Мать в нем высказывает мысль действительно по-большевистски. Она говорит, что раз приехал, взял на себя ответственность за ликвидацию прорыва, то трудись: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

26-я лава начала оседать. С боков кровля сыпалась давно со всех сторон... В нескольких каморках прорвало, верх давить стало сильнее.

— Убирай инструмент, а то затопит, отвергивай молотки, выноси спецовки,— гремело в воздухе... Громче и отчаяннее трещали верхняки и стойки, не выдерживали напора, ломались.

Из лавы ушли все. Опустели каморки, только мы с Мироновым остались в 26-й с последними вагонами. Одна лопата на двоих. Лава близилась к тому состоянию, которое называется «лава идет», «лава пошла». Точно дрова сосновые в печи, жарко трещали крепи. Потянуло чуть-чуть ветерком. Ветер в шахте.

— Давай вывезем вагоны, а то как бы не засыпало!

Вывезли еще неполно загруженные углем. Наблюдаем лаву. Вдруг ветерок сильнее потянул, где-то забулькало, треснуло надрывисто и зашумело, как шумит сосновый лес в непогоду. Лава пошла. Подпрыгивали крепи, рушилась кровля. Что-то загрохотало раскатом грома. Сильнее рванул из лавы порыв озлобленного воздуха, так что Миронов присел, и... лава села.

5 февраля. Несколько девушек подали заявление о вступлении в нашу 1-ю комсомольскую производственно-бытовую комму-ну. Коммуна растет за счет ее авторитета. Эти несколько девушек сыграют большую роль. Они внесут новую струю в наш ребяческий быт. Отвоюем барак под комму-ну, организуем столовку. Все мои силы положу я в организацию коммунального быта.

Сегодня ходили в кино. Картина про рабфаковцев. Как один крестьянский парень уехал учиться на рабфак. Кино подняло настроение, бодрость и настойчивость.

7 февраля. Только сейчас пришли с политбоя между шахтами № 7 и № 10. Мишка Нечаев показал в своем ответе политическую неграмотность и близорукость. Я, не хвалясь, скажу, вопрос декабрьского Пленума ЦК проработал добросовестно и поэтому активно участвовал в беседе. Сегодня на совете коммуны я предложил написать через «Комсомольскую правду» к комсомольцам электропромышленности Москвы, чтобы изыскали и прислали провода.

Положение шахтера-вагонщика природнилось ко мне, я с ним сросся. Так хороша и интересна жизнь. Я думаю: только борясь, живешь.

11 февраля. Вовка Боровиков окончил Горную академию и уехал в Новосибирск. Зависти нет. Есть страсть к учебе, есть желание быть квалифицированным работником, преданным делу пролетариата.

В кандидаты ВКП(б) еще не приняли, т. е. еще не был на бюро партячейки. На днях получил поручение от бюро партячейки обследовать партячейку шахты № 8. Эту работу выполнил.

Льется полной струей
Молодая жизнь.
Дни за днями,
Год за годом,
Все бежит, бежит, бежит.
Мне уж не семнадцать,
Я уж не ребенок.
Я умею быть большевиком».

* * *

Месяц прошел со дня ареста. На воле — март, и это чувствовалось даже в камере: в маленькое оконце под потолком все чаще залетал теплый ветер, громче ворковали голуби. Весна!

А в тюрьме без изменений: палачи свирепствуют, а Бадаев молчит.

Курерару задает одни и те же вопросы и выбивает ответы на них. Иногда он просто отдает распоряжение начать истязания, а сам с садистской ухмылкой наблюдает за командиром.

— Господин майор, он снова без сознания, — докладывает подручный.

— Окажи его водой, пусть очухается! — распоряжается Курерару.

Палач не спеша выходит из комнаты и возвращается с неполным ведром: устал, а на этот труп и полведра вполне хватит.

— Быстрее поворачивайся! — торопит его следователь. От запаха крови, от вида истерзанного, но непокоренного тела его знобит, и Курерару на выдерживает: хватает со стола в углу железный прут и со всей силы начинает бить едва очнувшегося Бадаева по пяткам. Бадаев снова теряет сознание.

— А-а-а-а! — истерически орет Курерару. — Не могу больше! — И в ярости начинает колотить уже не по телу Бадаева, а по своему столу с тощей папочкой «дела» чекиста на нем, по стенам комнаты, даже по съезжившемуся подручному, и тот бежит из комнаты от греха подальше, зная, на что способен в гневе его начальник.

Но Бадаев всего этого уже не видит и не слышит. А то он непременно порадовался бы бессильной ярости этого белогвардейского недобитка. Забытие подарило Бадаеву небольшую отсрочку, тело не чувствует боли — хорошо было бы сейчас умереть... Но нет, не сделает он такого подарка врагу!

Бадаев открывает глаза и видит перед собой озверевшее лицо склонившегося над ним Курерару: его наглые глаза, утиный нос с перебитой переносицей бывшего боксера, вывороченные слюнявые губы... На омерзительном

лице написаны злоба и недоумение: Курерару не понимает, как еще может держаться этот полутруп, откуда черпает он силы... Палач замечает полный презрения взгляд Бадаева, и его словно током отбрасывает от распростертого на полу заключенного. Все, это конец: из него нельзя вообще что-нибудь выжать. Курерару подходит к столу и нажимает на кнопку вызова — в дверях появляется конвойный.

— Заберите его и переведите к смертникам!

Курерару отворачивается к окну, чтобы не видеть, как выволакивают Бадаева — его поражение, все его несбывшиеся мечты о светлом будущем под сенью гитлеровских милостей...

Не добившись ничего от Бадаева и других арестованных, Курерару вынужден был устроить им очную ставку с Бойко. Таким образом подпольщикам стало известно имя предателя. Но как же сообщить об этом товарищам, продолжавшим борьбу? И здесь выход сумел найти Яша Гордиенко. В одной из записок, нелегально переданных на волю, он и назвал имя предателя: Бойко.

Так бадаевцы сорвали планы фашистов, собиравшихся в дальнейшем использовать Бойко как осведомителя и провокатора в целях выявления и разгрома одесского подполья.

Яше удалось передать на волю не одну записку. Сохранилось и его предсмертное письмо родителям. Вот что писал молодой помощник и друг Бадаева:

«Дорогие родители!

Пишу вам последнюю свою записку. 27/VII — 42 года исполнилось ровно месяц со дня зачтения приговора. Мой срок истекает, и я, может быть, не доживу до следующей передачи. Помилования я не жду... На следствии я вел себя спокойно. Я отнекивался. Меня повели бить. Три раза водили и били на протяжении 4—5 часов. В половине четвертого кончили бить. За это время я три раза те-

рл память и один раз представился, что потерял сознание. Били резиной, опутанной тонкой проволокой. Грабовой палкой длиной метра полтора. По жилам на руках железной палочкой... После этого избиения остались следы шрамов на ногах и выше. После этого избиения я стал плохо слышать на уши.

Кто вообще был в моей группе, те гуляют на воле. Никакие пытки не вырвали их фамилий...

Я рассчитывал на побег... Сейчас нет возможности бежать, а времени осталось очень мало. Вы не унывайте... Наше дело все равно победит. Советы этой зимой стряхнут с нашей земли немцев и «освободителей»... За кровь партизан... они ответят в тысячу раз больше. Мне только больно, что в такую минуту я не могу помочь моим друзьям по духу.

Достаньте мои документы. Они закопаны в сарае. Под первой доской от точила сантиметров 30—40. Там лежат фото моих друзей и подруг и мой комсомольский билет. В сигуранце у меня не вырвали, что я комсомолец. Там есть фото Вовки Ф., отнесите его на Лютеранский переулок, 7, Нине Георгиевне. Вы ей отнесите, и пусть она даст переснять, а фото заберите назад. Может быть, вы его когда-нибудь встретите. Там есть и мои письма. Есть там и коробочка. Можете ее вскрыть. Там мы клялись в вечной дружбе и солидарности друг другу. Но мы все ощутили в разных концах. Я приговорен к расстрелу, Вова, Миша и Абраша эвакуировались. Эх! Славные были ребята! Может быть, кого-нибудь встретите.

Прощайте, дорогие. Пусть бабка выздоравливает. Это я хочу. Прошу только не забыть про нас и отомстить провокаторам. Передайте привет Лене.

Целую вас всех крепко, крепко. Не падайте духом. Крепитесь. Привет всем родным. Победа будет за нами! 27/VII — 42 года. Яша».

Они не падали духом — от командира отряда до само-

го младшего по возрасту бадаевца. Они продолжали борьбу и в тюрьме и даже смертью своей разили врага...

Оценивая деятельность отряда Бадаева, одесская сигуранца вынуждена была констатировать: «Разведчики Бадаева находятся как в городе, так и в области. Особенно необходимо отметить тот факт, что разведчики Бадаева завербованы из числа тех лиц, на которых наши власти возлагали надежды в деле преобразования моральной, культурной и экономической жизни города.

Разведчики по социальной и профессиональной принадлежности состояли из всех слоев населения... Благодаря им Бадаев был постоянно в курсе всех событий и мог сообщать в Москву точные сведения в отношении дислокации войск в городе Одессе и области, об экономическом положении, враждебном настроении населения к новой администрации, о руководителях местных властей, сведения на которых запрашивала Москва...

Из всех раскрытых до настоящего времени организаций эта является единственной, которая так активно приступила к широкому выполнению своей программы. Это вполне объяснимо, если мы примем во внимание личность самого Бадаева, фанатического коммуниста, волевого, не считающегося ни с чем...

Ущерб, нанесенный организацией Бадаева, не поддается учету».

* * *

В назначенное время командир и связная в катакомбы не пришли. Вторая связная, Тамара Шестакова, посланная в город, чтобы выяснить, что случилось с командиром, тоже не вернулась назад. И она угодила в западню, представленную сигуранцей.

Вскоре один из верховых разведчиков, уцелевших после облав, передал в катакомбы сообщение об аресте Бадаева, Межигурской, Шестаковой, братьев Гордиенко и других.

Васин, не веря своим глазам, в отчаянии уставился на листочек бумаги в ярком кружке света от керосиновой лампы.

— Это же еще проверить надо! — возбужденно шагая от одной стенки каморки к другой, гремел Зелинский.

Заместитель командира глухо проговорил:

— Не думаю, что это ошибка, весть передал человек верный...

Новость облетела весь лагерь, и к помещению штаба начали постепенно сходитьсь люди. За время пребывания в катакомбах одежда на них обветшала, они сильно исхудали, лица от постоянного недоедания и сырости покрылись пятнами. Бойцы сгрудились в тесной штольне, и Васин, вышедший на их глухой говор, понял, что сейчас же, сию минуту, надо что-то сказать. Кто-то из партизан крикнул:

— Товарищ Васин, что с Бадаевым и девушками?

— Говорите все! — поддержали его остальные.

Васин поднял руку — и сразу же установилась мертвая тишина.

— Партизаны! — громко сказал Яков Федорович. — Случилось большое горе: командир, связные и часть верхового отряда арестованы и находятся в тюрьме. Как сообщали разведчики, все держатся очень мужественно, хотя и терпят большие мучения. Именно то, что мы до сих пор живы и невредимы, говорит об их стойкости, о том, что они не назвали ни одной фамилии, ни одной явки. Вот такие, товарищи, дела...

Васин смотрел на партизан, собравшихся на стихийный митинг, и не мог сдержать своего восхищения: в этот тяжелейший для них час их лица выражали не растерянность и слабость, а решимость и суровую волю. Потеря любимого командира и лучших бойцов отряда была общим горем, которое еще сильнее сплотило их, вызвало еще большую ненависть к врагу.

Вперед вышел парторг Зелинский. Сильно волнуясь, он обратился к собравшимся:

— Друзья мои, боевые побратимы... Вы знаете, насколько дороги для нас наш командир Павел Бадаев, всеми любимые Тамара-маленькая и Тамара-большая, Яшуня Гордиенко и другие товарищи. Но не будем хоронить их преждевременно. Мы знаем, что они живы, они продолжают борьбу с врагом, смело глядя ему в глаза и не боясь мучений. Так последуем же их примеру! Выше знамя борьбы! Смерть фашистским захватчикам!

— Смерть фашистским захватчикам! — раздалось со всех концов штольни.

— А теперь — по местам... — распорядился Васин.

В ту же ночь Москва узнала об аресте Бадаева и других партизан и подпольщиков. Командование бадаевского отряда совместно с Центром разработало дальнейший план борьбы с фашистами. Враг не должен был получать передышки ни на минуту. И разлетались по окрестным селам листовки с сообщениями Совинформбюро, и падали, сраженные партизанскими пулями, вражеские офицеры, и взрывались автомашины оккупантов. Все это сеяло панику в их рядах, внушало ужас при одной мысли о партизанах и подпольщиках. Даже среди бела дня фашисты опасались в одиночку ходить по городу, боясь нарваться на пулю...

Теперь, когда Бадаева не было рядом, Васин еще скрупулезнее разрабатывал план любой, даже самой мелкой операции. Особенно много внимания уделил он налаживанию связи с портом. Отсутствие такой связи очень заботило в свое время Бадаева, и Васин продолжал работу в этом направлении.

Факты говорили о том, что в Одесском порту действовала прекрасно организованная боевая группа подпольщиков. Это они устроили «зонтик» на судне, вывозившем зерно в Германию, и то при сильной волне перевернулось и

пошло на дно со всем грузом и командой. Они же взорвали транспортный военный корабль с помощью мины замедленного действия, подложенной в машинное отделение. В самом порту подпольщики подожгли склады с продовольствием и обмундированием. Они охранялись специально обученными гитлеровскими головорезами с собаками. В каждого, кто осмеливался появиться в этом районе, стреляли без предупреждения. И все же в одну прекрасную ночь склады дружно запылали. И это только крупные диверсии, а мелких и не перечислить!

Судя по всему, организация портовиков была сформирована из людей, хорошо знавших друг друга по совместной работе. Поэтому проникнуть к ним было очень трудно, но необходимо. Васин понимал, что связь его отряда с этой группой намного повысит эффективность борьбы с захватчиками.

— Эх, если бы наш отряд не состоял почти из одних горняков...— сетовал Яков Федорович.— Ну хоть бы один портовик к нам затесался. Они своих за версту отличают. Нюхом, что ли...

— Да,— печально кивал головой Зелинский,— отряд-то подбирали целенаправленно, для работы в катакомбах, а не в порту...

С тех пор как оккупанты заняли Одессу, для Михайлы Бунько, в прошлом боевого юнги с «Синопа», на котором плавал и отец братьев Гордиенко, настали тяжелые времена. Старый одноногий матрос вел полуголодное существование. Питался рыбой, которая попадалась на удочку. Изредка кто-нибудь из рабочих порта заходил к старику и приносил еду. Жил он в маленькой, продуваемой всеми морскими ветрами дощатой хибарке на территории порта возле старого кладбища кораблей и так примелькался портовой охране, что та не обращала на него внимания. А в последнее время он почти не выходил из дома. Так бы, наверное, и умер старый Бунько, если бы в один прекрасный

вечер к нему в хибарку не забежал рыжий вихрастый пацан в рваной кацавейке. Представители вездесущего племени мальчишек неизвестно каким образом проникали в строго охраняемый порт в надежде чем-нибудь поживиться.

— Дядь Миш, а дядь Миш...— подбежал мальчишка к груде тряпья на ободранном топчане,— там до тебя пришел один...

Из кучи показалась огромная кудлатая голова.

— О-хо-хох, и умереть спокойно не дадут... Кого еще нелегкая принесла? Пусть войдет! — голос Михайлы окреп и загудел с силой, неожиданной в таком слабом теле.

Мальчишка испугался и исчез, а на его месте оказался тоненький, как девушка, большеглазый паренек. Это был радист отряда Бадаева Даниил Шенберг. Однажды он уже приходил сюда с Яшей Гордиенко. Тогда старик отдал Яше свой сапожный «инвентарь» — сундучок с щетками и несколько банок с ваксой собственного изготовления.

Даниил Шенберг о чем-то долго говорил с дядей Мишей. А на следующий день Бунько вылез из своей берлоги и пошел на пирс, к своему излюбленному месту.

В порту было на удивление тихо. Поблизости у причала стояло небольшое транспортное судно, на котором заканчивалась погрузка. Бунько подошел к широкогубому гиганту с соломенным чубом, лихо выглядывающим из-под помятой кепки, Василю Добрыйвечер. Именно он чаще других проводывал старого моряка.

— Дело есть к тебе, Василь,— сказал он.

— Погоди немного,— попросил его Добрыйвечер.— Сейчас закончим, тогда и поговорим...

Старик отошел и присел на причальную тумбу, жуя беззубым ртом краюху хлеба, сунутую ему Василем. Наметанным глазом Бунько определил, что в плоских прямоугольных и квадратных деревянных ящиках, которые

грузили на судно, находятся картины. Потом подъехал грузовик со статуями, большими декоративными вазами и еще какими-то свернутыми в длинные рулоны холстами. «Награбили, гады,— зло подумал дядя Миша.— Небось со всех музеев города понатащали»...

Руководил погрузкой вертлявый локатинент. Увидев Бунько, он сказал что-то охраннику, и тот, взяв автомат наперевес, направился было к старику. Но в то же мгновение перед ним вырос Василь и заговорил со спокойной ухмылкой:

— Да наш это, портовый... Пуцай отдохнет малость, старик ведь...

Охранник оставил старика в покое.

Наконец погрузка закончилась. Василь подошел к дяде Мише и немного удивился, заметив его упорный, даже какой-то испытующий взгляд.

— Разговор у меня к тебе сурьезный, товарищ Добрыйвечер,— предупредил он своего друга очень официально.— Я тут частенько сижу, многое вижу. Вижу, да молчу. И буду молчать, хоть ты режь меня...

— К чему это ты? — еще больше удивился Василь.

— Да к тому, что хочу спросить: давно ли ты меня знаешь, парень?

Василь засмеялся тихонько и потащил Бунько за рукав подальше от посторонних ушей, предчувствуя, что разговор действительно будет серьезным. Наконец он остановился и ответил:

— Да уж, поди, лет двадцать, еще мальцом меня с шаланды кидал в воду, а, дядь Миш?

— Ну, а верить мне можешь?

— Верить?.. — переспросил Василь. — Могу! — подтвердил уже уверенно.

— А раз так,— обрадовался Бунько,— когда выйдешь из порта, ступай следом за пацаном, рыжим таким, с торбой в руке.

— А надо? — с сомнением переспросил Добрыйвечер.

— Надо, ой надо, хлопче... — И, глядя вслед удаляющемуся гиганту, дядя Миша с тихим смешком сказал: — Старый Михайла, как тот филин, все видит, все знает...

Так отряду Бадаева удалось установить связь с подпольной организацией, действовавшей в порту. Бойцы каткомб и портовики объединились, усилили удары по врагу. Это было ответом партизан на арест товарищей.

* * *

...А в тюрьме был ад. Чем упорнее молчали заключенные, тем ожесточеннее их пытали. Арестованными по делу Бадаева занялась специальная группа немецких контрразведчиков — «специалистов по развязыванию языков». Но и это не помогло фашистам.

...В камере тихо. Полдень. До начала допросов еще далеко, и женщины пытаются набраться сил, насколько это вообще возможно в таких условиях.

— Поразительно, до чего все-таки сильны люди, — удивляется седая учительница из Нерубайского — верховая разведчица Бадаева. — Этой ночью Межигурскую принесли с допроса едва живую. А вы посмотрите — уже смеется...

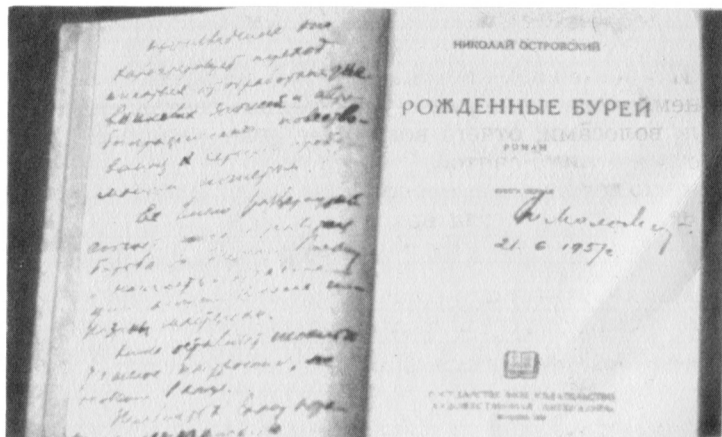
— И правильно, — вступает в разговор ее соседка — тоже немолодая женщина с удивительно светлыми, почти белыми волосами, отчего вокруг ее уже увядшего лица словно сияет нимб святой. Она лежит на нарах на животе, потому что вся спина ее исполосована железным прутком. — Если не смеяться, тогда нам совсем конец, — заканчивает она свою мысль, повернув голову в сторону Межигурской.

Тамара-маленькая действительно смеется, глядя на то, как Тамара-большая хмурится, рассматривая в крошечном карманном зеркальце свое лицо.

И. И. Иванов —
командир отделения отряда.

Книга Н. Островского «Рожденные бурей»,
принадлежавшая В. А. Молодцову.

Во дворе тюрьмы (слева направо):
Тамара Межигурская, Владимир Молодцов,
Тамара Шестакова.

— Красивая, красивая,— говорит Межигурская подруге.

Шестакова, смутившись от того, что ее застали за таким «несерьезным» занятием, быстро прячет зеркальце в карман и с улыбкой отвечает:

— Да где уж нам... Еще немного тут посидим, так совсем красавицами станем.

— Ничего! — утешает младшую подругу Тамара Межигурская. — Раз твой герой в катакомбах тебя разглядел, так теперь всякую любить будет.

От этих слов Шестакова словно сникла. Через минуту, подсев поближе к подруге, она прошептала:

— Я хочу открыться тебе... Ведь у меня ребенок будет.

Межигурская даже привстала на норах и, застонав от боли, снова откинулась ничком на свернутый из тряпок валик, заменявший подушку. Придя в себя, она с улыбкой посмотрела на Тamarу-большую:

— Девочка моя хорошая, что же ты раньше-то молчала... Ведь сейчас об этом кричать надо — а вдруг, учтя твоё положение, выпустят на волю или хотя бы попытаться перестанут? Во время прогулки обязательно подойди к командиру и сообщи об этом. Он посоветует, что надо делать...

Шестакова отвернулась от Тамары-маленькой и сказала:

— Не хочу я от них никаких поблажек, ничего мне от них не надо!

— Глупенькая! — заволновалась Межигурская. — Ведь не о тебе же речь, о будущем твоём ребенке. Ему-то жить надо. Все-таки надо прежде всего посоветоваться с Бадаевым.

И здесь, в тюрьме, авторитет Бадаева оставался непрекаемым. Когда он еще сидел в одиночке, то общался с товарищами с помощью тюремного телеграфа — перестукиваясь с соседними камерами. А после того как его пе-

ревели в общую камеру, он стал настоящим организатором и вдохновителем борьбы заключенных против своих палачей. Он инструктировал партизан и подпольщиков перед допросами, говорил, о чем можно рассказывать, а о чем надо молчать намертво. Куреру явно допустил большую ошибку, отправив Бадаева в общую камеру.

Женщины в тюрьме содержались отдельно, но на прогулку всех выпускали в общий двор. Пользуясь этим, женщины постоянно общались с другими заключенными, получали инструкции от командира, обменивались новостями, которые день ото дня становились все печальнее.

Услышав о том, что у Тамары Шестаковой будет ребенок, Бадаев, чуть ли не в первый раз за все время пребывания в тюрьме, радостно улыбнулся. Как-то сразу вспомнилось все: и шальные глаза одного из бойцов, впервые увидевшего Тамару, когда она в кругу товарищей — высокая, тоненькая — отплясывала лезгинку перед первым уходом в город на задание, и обоюдная тревога влюбленных, когда кто-нибудь из них был там, наверху, и, наконец, их несмелая просьба к командиру «поженить» своей властью. Глядя на молодых людей, остальные члены отряда светлели душой, желая им счастья...

— Надо бороться! — сказал Бадаев. — Не просить, а бороться. И всем вместе, иначе ничего не получится...

Однако заключенным удалось добиться для Тамары лишь отсрочки в исполнении смертного приговора, вынесенного королевским судом всем членам отряда Бадаева. Через несколько месяцев в тюремной больнице Тамара родила девочку. А еще через три месяца ее расстреляли. Грудной ребенок остался тут же, в тюрьме, на руках у женщин, которые с великим трудом передали девочку на волю.

Но этого Бадаев уже не узнал, потому что задолго до рождения девочки его и Тамару Межигурскую расстреляли.

Палачи сделали все возможное, чтобы сохранить в тайне время казни командира и связной. Они боялись мертвого Бадаева так же, как живого. Боялись огромной силы его влияния на всех заключенных. Боялись, что весть о его казни послужит сигналом к волнениям в тюрьме, а может быть и к восстанию.

За день до казни Бадаева перевели в одиночку. Вроде бы вызвали на допрос, но после него он своих товарищей больше не увидел.

«Значит, все», — понял командир. Прошел почти месяц, как состоялся этот суд-фарс! А поди ж ты, сколько еще держали в тюрьме, словно на что-то надеясь. Дудки, ничего у них не вышло, напрасно старались!

На суде после чтения приговора прокурор обратился к Бадаеву:

— Ну-с, будут ли какие-нибудь просьбы, пожелания? Может, воспользуетесь последней возможностью и чисто-сердечным признанием сохраните себе жизнь? Кстати, вы можете подать прошение о помиловании...

— Мы русские и на своей земле помилования у врага не просим, — ответил Бадаев...

Как правило, на казнь уводили на рассвете. А сейчас был вечер. Время словно получило два измерения: оно медленно тянулось — минута за минутой, час за часом — и однако же летело как птица: взмах крыла — и откинулись назад километры, секунда, мгновение — и нет целого куска жизни. Ему оставалось жить несколько часов.

Палачи сознательно лишили его общества товарищей, превратив эти горькие часы перед казнью в новую, еще более изощренную пытку! И все же, если бы мог, он растянул бы каждую минуту на десятки, сотни минут. Он хотел жить.

Как мало он успел! Даже в свой смертный час он не простит себе того, что допустил в отряд предателя, не распознал его. Но и стыдиться ему нечего. Коммунист, чекист

Владимир Молодцов, именуемый сейчас Павлом Бадаевым, прожил свою короткую жизнь достойно...

Из дневника Владимира Молодцова:

«23 марта. Еще несколько дней назад стояли морозные дни, а теперь уже лужи в низинах и бурливые ручейки бегут по проталинам. Небо чисто-чисто. Воздух насыщен запахом весны, запахом бодрящим и подымающим молодые силы на борьбу. Полная борьбы жизнь учит, как бороться, в борьбе учит, как надо жить по-настоящему.

Близится весенний сев. Готовятся ячейки к весенней посевной. 26/III ячейка ЭМО выезжает в Никольское для сортировки семян. Ячейка шахты № 10 ремонтирует инвентарь, помогает колхозу материалами. Шахта № 7 посылает в Смородино парня на весеннюю посевную на месяц. За все это отвечаю я — руководитель деревенского сектора при РК ВЛКСМ...

30 марта. Нефтяная пятилетка выполнена. По одной отрасли промышленности рабочий класс СССР наметки пятилетнего плана реализовал. Пятилетка оказалась не «выдумкой большевиков», а реальностью большевистских темпов.

16 апреля. Весна свое взяла. Вязкую грязь прорезала тропа. Теплые дни нежат природу и чувства человека. Как хорошо весной! Жизнь зовет к борьбе, к упорной борьбе за уголь...

23 апреля. Отгружаем встречный эшелон угля для заводов Москвы. Москва нам шлет эшелон промтоваров и спецодежду для ударников. Сегодня до четырех часов дня отгрузили первые семь вагонов. Послали телеграмму МК ВЛКСМ: «Приступили к отгрузке встречного эшелона угля». Эшелон отправили.

25 апреля. Самое главное: теперь я кандидат ВКП(б). На днях получу билет».

Громко лязгает засов. Вот и пришли за ним. Бадаев встретил своих убийц стоя, заложив руки за спину.

На тюремном дворе он увидел Тамару Межигурскую. Их посадили в машину. Осужденных сопровождали эс-совцы в черных мундирах.

Из тюрьмы Бадаева и Межигурскую повезли на городской кладбище. Вывели из машины, поставили лицом к глухой кладбищенской стене. И снова тот же вопрос:

— Будете говорить? Спасайте свои жизни!

Они молчали.

— Огонь! — слышалось за их спинами.

Прозвучал залп, а приговоренные продолжали стоять. Палачи стреляли в воздух.

— Мы немного порепетировали, — спокойно пояснил эсэсовец. — А теперь пожалуйте на настоящий расстрел...

Крытая машина еще долго петляла по улицам Одессы. Наконец последние домики города остались позади. Когда Бадаева и Межигурскую вытолкнули из кузова, было уже совсем светло. Оба как по команде подняли головы вверх, туда, где высокая синева, словно натянутый туго шатер, раскинулась во всю ширину горизонта. А кругом привольно лежала степь, вся розовая от восходящего солнца. Родная земля, будто прощаясь с ними, сияла ласковой красотой и великолепием.

Бадаева и Межигурскую поставили рядом, солдаты встали перед ними в десяти шагах. Офицер попытался было завязать осужденным глаза, но они наотрез отказались от повязок.

— Прощай, командир, — тихо сказала Тамара и взяла его за руку.

— Прощай, маленькая... Держись! — Бадаев сжал ладонь Тамары.

— Фойер!

В последний миг жизни он вскинул глаза к сияющему синевой шатру над головой, и тот полетел от него ввысь, ввысь, ввысь!..

Его убили на рассвете. Но каждое утро тянется к солнцу посаженная мальчиком Вовой Молодцовым недалеко от отцовского дома береза. Весной под этой березой ребята принимают в пионеры. И тогда расцветает все вокруг алым цветом пионерских галстуков, цветом революции, цветом горячей крови героев.

Из письма заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверника жене Молодцова — Бадаева Молодцовой А. И., февраль 1945 года:

«Уважаемая Антонина Ильинична!

По сообщению командования Ваш муж, капитан государственной безопасности Владимир Александрович Молодцов погиб за Советскую Родину смертью храбрых.

За героический подвиг, совершенный Вашим мужем Владимиром Александровичем Молодцовым в борьбе с немецкими захватчиками при выполнении специальных заданий командования в тылу противника, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 5 ноября 1944 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему мужу звания Героя Советского Союза для хранения как память о муже-герое, подвиг которого не забудется нашим народом».

Содержание

Задание 3

Борьба продолжается 55

Михаил Сергеевич Канюка

МУЖЕСТВО

(О Герое Советского Союза В. А. Молодцове)

На 4-й странице обложки помещена фотография:
«Одесса. Аллея Славы»,

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Ю. И. Харченко*

Младший редактор *З. У. Устенова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *В. П. Крылова*

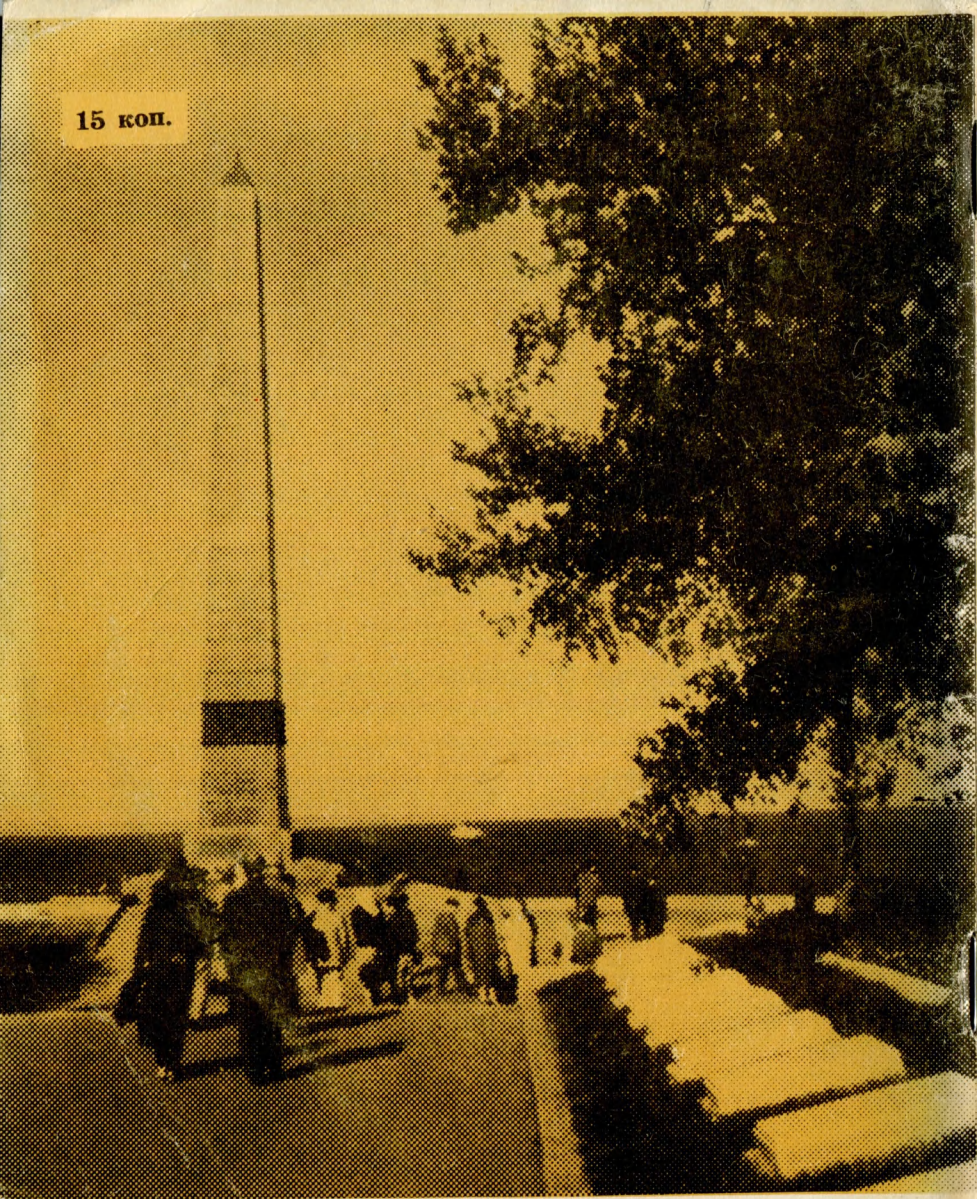
ИБ № 1668

Сдано в набор 21.04.79. Подписано в печать 05.07.79.
А 00397. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Условн.
печ. л. 3,68. Учетно-изд. л. 3,64. Тираж 200 тыс. экз.
Заказ № 3880. Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

15 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1979